

Денис Ратманов

**КАРФАГЕН
АПГРЕЙД**

Карфаген

Денис Ратманов

Карфаген 2020. Апгрейд

«Автор»

2024

Ратманов Д.

Карфаген 2020. Апгрейд / Д. Ратманов — «Автор»,
2024 — (Карфаген)

Наши дни. Реальность, в которой победил Карфаген, а не Рим. Высокие технологии соседствуют с магией кровожадного Ваала. Его зовут Леон. Он – трикстер, житель подвалов, существо вне системы, воин, обладающий даром техно – способностью понимать механизмы. Его сознание перепрошивают: устанавливают программу на уничтожение себе подобных. Но вместо того, чтобы стать верным псом системы, Леон открывает в себе новые возможности и бросает вызов миру Карфагена. Сможет ли человек, пусть и не совсем обычный, переломить ход истории и сохранить свою душу? Примечания автора: Первый роман трилогии. Без гаремов, попаданцев и клише.

© Ратманов Д., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог. Семнадцать лет назад	6
Глава 1. Трикстеры	8
Глава 2. Ты потеряешь все	16
Глава 3. Первый шаг к великой цели	23
Глава 4. Корпорация "Тау"	32
Интерлюдия. Гамилькар	38
Глава 5. Условный рефлекс	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Денис Ратманов

Карфаген 2020. Апгрейд

*** * ***

Пролог. Семнадцать лет назад

Здесь нет деревьев, здесь так высоко, что ветер не доносит ни запах зелени, ни гарь автомобилей, чадающих на нижних ярусах. Только небо и облака. Когда пасмурно, они укутывают вершину зиккурата, и ритуалы приходится переносить на другой день.

Сегодня ясно, и с минуты на минуту начнется Великое Подношение.

Прожекторы выключены, и над вершиной – черное небесное полотно. Самые яркие звезды – глаза тех, кто сверху смотрит на Сердце зиккурата – многоступенчатую воронку, где на плоском дне восседает на золотом троне идол Ваала, с пятой ступени к нему тянется широкая лестница. Светятся красным три глаза на бычьей голове, на протянутых руках танцуют сполохи огня, полыхающего в печи его ненасытной огненной утробы.

Вверх возносится многоголосая песнь жрецов, полукругом стоящих у ног Величайшего, они так мелки, что напоминают красно-золотые кукольные фигурки. Второй от статуи полукруг – жрицы, которые подхватывают песнь, когда смолкают мужчины. И самый дальний ряд – дети в белых одеяниях.

Только потомки великих родов имеют право видеть Великое Подношение. Тридцать родов – тридцать лож на самом высоком ярусе.

Барабанная дробь обрывает песнь, и мир застывает в предвкушении. Створки на брюхе Ваала смыкаются, чтобы огонь не опалил людей, которые должны приблизиться к идолу. На лестнице появляется фигурка женщины, ведущей за руку двухлетнего ребенка в белой мантии. Кудрявый золотоволосый мальчик сосредоточенно сопит, пытаясь открутить кукле руку, его не волнует ни гудящий огонь в брюхе Ваала, ни лысые жрецы, идущие вслед за его матерью.

Смолкают барабаны, и тишину пронзают десятки детских голосов, умоляющих Ваала принять дар. Женщина берет сына на руки и, вытянув их перед собой, шагает по лестнице к божеству. Ребенок смеется, пытаясь дотянуться до ее носа, а когда рядом проносится ворох искр, оглядывается, смотрит на вмиг распахнувшееся чрево Ваала, испуганно раскрывает рот.

Мать прижимает его к себе, чтобы он не закричал, ведь это плохой знак, бежит к печи, отрывает от себя ребенка и бросает в печь. Тонкий крик тонет в многоголосой молитве благодарности.

Десятки наблюдателей восторженно ахают, и лишь одна женщина сжимает зубы, зажмуривается и больше не смотрит вниз. Она до последнего надеялась, что явится Белый Судья и остановит убийство. У нее годовалая дочь, и муж хочет отдать ее Ваалу, чтобы тот даровал ему пост суфия. Губы женщины шевелятся, но не молитву читает она – снова и снова проговаривает вопрос в надежде услышать ответ.

«Великий Ваал! Мне не нужны богатство и слава. Если хочешь, я ими пожертвую. Ты сам говорил, что моя дочь отмечена Танит, так зачем ты забираешь ее? Хочешь, я отрекись от своего рода?.. Хочешь – возьми меня, но пусть она живет».

Она смотрит вверх, и ей чудится странное: будто цифры бегут от Ваала вверх и тают в небе.

«Пусть Гамилькар возьмет себе другую жену, – шепчет женщина. – Она отдаст тебе первенца, а потом родит второго, и взамен Ваал сделает Гамилькара суфием, даст ему столько власти, сколько он желает. А у меня больше не будет детей! Пощади». Она становится на колени.

«Ты еще не поняла, что Ваалу плевать на вас? Алчное, совершенно безмозглое божество жаждет вашей крови, а взамен кормит иллюзиями».

Она всю жизнь боялась обитающего в ней демона, подстрекающего к плохим поступкам, но теперь он был с ней заодно. Она приняла решение и тверда как никогда.

Дождавшись, когда восхваления закончатся, женщина садится во флаер, стоящий здесь же, на взлетной площадке ложи, усаживается за руль и взмывает ввысь, чтобы посмотреть на

светящийся муравейник сверху, проститься с привычной жизнью, ведь уже сегодня она добровольно сойдет на последнюю ступень зиккурата, где обитает грязный и лихой люд, который ест крыс и, говаривают, что друг друга – тоже, граждане ее круга объявят на нее охоту, ведь она собирается забрать у Ваала то, что принадлежит ему по праву.

Добравшись домой, женщина вздыхает с облегчением: мужа еще нет. В последнее время он подолгу пропадал с молодыми жрицами.

По просторному холлу она торопливо идет в спальню, где над кроватью ее дочери склонилась няня. Доносится залиvistый детский смех. Пожилая няня уступает матери место у колыбели.

Обычно дети рождаются страшенькими, красными или желтыми, лысыми и сморщенными. Эта девочка родилась красивой, со смоляными волосами до плеч и снежно-белой кожей, а через месяц стало ясно, что ей достались глаза матери – миндалевидные, редкого ярко-синего цвета.

Как можно погубить такое дитя? Да и разве жизнь человечка, который за себя еще не отвечает – правильная жертва? Хочешь власти – пожертвуй собой, как это делают скопящие себя во славу Ваала.

Женщина берет дочь на руки, начинает торопливо ее переодевать – ей нужно успеть, пока не вернулся Гамилькар. Неловкое движение, и вместе с маечкой на пол падает золотой кулон на цепочке. Женщина наклоняется за ним, отдергивает руку, задумывается и все-таки поднимает золотую львиную голову с изумрудами глаз – символ Танит, покровительствующей древнейшему роду Магонов, когда-то правившему колыбелью человечества – Карфагеном.

– Уходите? – с улыбкой спрашивает няня. – Я слышала, что господин хочет отдать ее Ваалу. Уверена, бог умилюстит и дарует больше, чем вы попросите!

Женщина хочет сказать, что разве может роскошь или власть стоить жизни младенца, но знает, что ее мысли кощунственны – нельзя ничего жалеть для Ваала – потому просто улыбается.

– Если бог примет жертву, это будет великая честь для нас.

В спальне под кроватью она уже припрятала сумки с самым необходимым. Воровато озираясь и не выпуская дочь, она относит вещи во флаер и уже там шелка меняет на самую простую одежду.

Ночью ей удалят чип, а утром она начнет новую жизнь на дне, на первой ступени зиккурата – среди людей глупых и дурно пахнущих, ниже которых только кошмарные трикстеры¹.

¹ Трикстер – (trickster – обманщик, ловкач) в мифологии и фольклоре человек, дух, бог, не подчиняющийся общим правилам поведения.

Глава 1. Трикстеры

Здесь, на нулевом этаже зиккурата, в цоколе, нет ветра, лишь затхлый подземный сквозняк, бетонные коридоры с трубами, обмотанными изоляцией, тусклый свет и запах плесени.

Раздетые до трусов десятилетки, принимающие ванны ультрафиолета под специальными лампами, установленными в тупиковой комнате, радостно корчатся, изображают ходячих мертвецов. Тощие, не видящие солнца, они и правда напоминают зомби. Дети пытаются достать Кэрри, залегшую за огромной трубой теплотрассы, она отбивается палкой. Только Барка сидит на бетонном полу под лампой, поглядывает на остальных с завистью.

Во время прошлого налета зверобогих он упал с высоты на арматуру, в нескольких местах сломал ногу. Враги не захотели с ним возиться или посчитали мертвым, иначе он нашел бы смерть в огненной утробе ненасытного бога, как и все пленники зверобогих.

– Мооозг! Мооозг! – радостно вопят восемь детей внизу.

Кэрри замечает меня первой, округляет глаза и испуганно восклицает:

– Леон пришел!

Дети замирают, дружно оборачиваются и начинают одеваться, Кэрри тоже покидает убежище. Становлюсь посреди помещения, скрестив руки на груди, жду, когда они оденутся.

Дети – будущее нашей стаи, моя задача – вырастить их воинами, зажечь в них искру Шахара. Хлопаю в ладоши:

– Осталось десять секунд. Девять. Восемь...

Они успевают одеться за семь секунд. Вывожу их в просторный тренировочный зал, где трубы тянутся под потолком, а к ним прикреплены всевозможные лестницы, канаты, снаряды, тросы.

Среди моих подопечных пять кинетиков, два псионика, трое детей еще не зажгли искру Шахара. Старейшины склоняются к тому, что они так и останутся простыми, я думаю иначе: если дать им шанс, дети, как и я, станут техно, а умение выводить из строя вражеские механизмы гораздо важнее мысленного швыряния камней.

– Моя троица, подойдите сюда, – я хлопаю по бедру, подзывая девочку и двух мальчиков. – Остальные – три круга на тренажерах! Начали.

Среди непроявленных и загипсованный Барка, в котором я вижу большой потенциал. А может, и не вижу, может, просто подозреваю, что именно этот мальчишка – наш с Гитель сын. Как ни старайся, чтобы все дети были общими, все равно природа вынуждает искать свое, родное.

Вручаю им по игрушечному пистолету, стреляющему пластиковыми пулями, достаю пульт управления, и из-за нагромождения коробок выезжает крупный игрушечный танк, который больно бьет электроразрядами. Я сам его перепрошивал, механизм развивает скорость, достаточную, чтобы догнать ребенка.

В одиннадцать лет я не проявился и был записан в простые. Но во время облавы меня взяли зверобогие, и это сработало триггером: мне так не хотелось, чтобы меня сожрал их чудовищный бог, что пробудились спящие способности, и я умудрился ножом вывести из строя экзоскелет нападавшего, который меня ташил, и сбежать. То ли от страха, то ли от злости в голове что-то щелкнуло, и пластины на груди экзоскелета подсветились зеленым, словно сам наш защитник Шахар показал, куда бить, чтоб наверняка.

И с тех пор так было всегда: уязвимое место механизма высвечивалось зеленым, а если система сломана, красным обозначалась поломка.

За шесть лет я выявил восемь техно, подобных мне, а значит, трикстеры стали намного сильнее.

Пока основная группа с радостным воем проходила специально сконструированный для них киллхаус, я тренировал потенциальных техно: они должны были обнаружить слабое место игрушечного танка и ликвидировать машину. Чтобы мотивировать подопечных, я сделал, чтоб танк больно бил разрядами. Жестоко, но только так возможно пробудить в детях спящие способности.

Первой танк атаковал смуглую Райлин. Пока она удирала, мальчишки расстреливали машину – безрезультатно. Упершись в стену, девочка наконец начала стрелять. Я специально сделал уязвимость танка в труднодоступном месте, чтоб попадание не было случайностью. Райлин не справилась с заданием и получила разряд, разинула рот, но не закричала. Настоящий воин растет!

Направляю танк на Барку, он вяло отстреливается, пятится, подволакивая ногу в гипсе. Танк набирает скорость, прет на него. Мальчик падает, но не выпускает пистолет, его лицо искажается от боли. Гусеницы у танка тяжелые, железные, они вполне могут порвать кожу. Барка знает, что я не остановлю машину. Дети боятся меня, считают кровожадным монстром.

По лицу мальчика пробегает тень, он делает всего два выстрела, и танк останавливается. Доносятся аплодисменты. Дети, проходящие третий круг тренажеров, замирают, пытаются понять, кто же хлопает. Из темноты к Барке бросается Гитель, поднимает его сильными руками, кружит.

– Ты смог! Какой ты молодец.

А я смотрю на них и пытаюсь найти сходство: он черноволос, как я, но кудряв, как Гитель. Разрез глаз, как у меня, но цвет – зеленый, а не темно-карий... Стоп! Не факт, что наш сын – именно он. Может, у нас вообще родилась дочь, и это, например, Райлин, получившая разряд. Или кто-то из детей, которые, пользуясь передышкой, катаются на канатах, изображая обезьян, которых никогда не видели вживую.

Поставив Барку, Гитель треплет его по голове, оборачивается ко мне.

– Неужели ты не остановил бы танк? У Барки нога сломана! Это могло его покалечить!

– Ты знаешь ответ, – говорю я и даю детям команду продолжать.

Мне не нравится мучить детей, но способности техно пробуждаются только через боль и преодоление. А если все те дети, которых мы записывали в простые, – с потенциалом техно, то скоро нам будет что противопоставить зверобогим, у которых такого дара нет. Да что там говорить, у них вообще нет каких-то особых умений, видимо, Ваал боится конкуренции и не одаривает подопечных, предпочитает решать все сам.

Только мы, трикстеры, – избранный народ, за что уже тысячи лет терпим гонения.

Барка раздувается от гордости. Еще бы! Только вчера он был простым, а теперь – надежда и опора трикстеров!

Гитель дожидается окончания тренировки и уводит подопечных на обед, а я в приподнятом настроении отправляюсь домой – в одно из тупиковых ответвлений нулевого этажа. Бетонные стены я разрисовал яркими диковинными пейзажами – чтобы хоть как-то скрасить существование под землей. Картины – моя сила и слабость, ничто так не дисциплинирует и не успокаивает, как живопись.

Вдоль одной стены тянутся трубы с горячей водой, на которых я оборудовал кровать, напротив – огромный самодельный шкаф с книгами и одеждой, рядом с ним – реставрированный старинный сундук с оружием: плазменными пушками Гитель и моим разнокалиберным огнестрелом.

Барка – мой девятый выявленный техно. Четыре человека – за последний год. Первому и самому старшему сейчас пятнадцать. Еще три года, и подрастут остальные, будет боевой отряд. Если это не рост моего мастерства как наставника, а наша эволюция, то есть надежда, что скоро трикстеры выберутся из подземелий и мир вздрогнет.

Перевожу взгляд на потолок, где потрескивает люминесцентная лампа, подсвечивая нарисованное темное небо с сияющей звездой, и улыбаюсь. Спасибо тебе, Шахар, за то, что у моего народа появилась надежда после тысячелетий гонений!

Завтра я не смогу заниматься детьми. Черноротые с первого уровня донесли, что поблизости приземлится груженный транспортник, и нам будет чем поживиться. Черноротым, само собой, тоже перепадет, иначе какой смысл этим примитивным тварям нам стучать?

Сажусь на ноутбук, открываю файл, где делаю зашифрованные заметки по техно, описываю сегодняшнюю ситуацию. Переношу на флешку. Удаляю файл. Нельзя, чтобы информация о том, что мы крепнем, попала к зверобогам – начнется тотальная зачистка.

На заставке у меня звездное небо, оно гипнотизирует, манит...

Звезды смазываются, оставляя вытянутые штрихи. Световые нити сплетаются в мужское лицо, оно проступает из экрана, обретает материальность.

Ощущение, что я куда-то падаю. Сперва перехватывает дыхание и подступает паника, но будто перышком проводят по разуму, и я успокаиваюсь. Это просто странный сон, в котором из экрана ко мне лезет какой-то непонятный мужик. Вот он уже стоит в середине комнаты, обводя взглядом стены и покачиваясь с пятки на носок. Над ним плывут символы, смысл которых я не могу уловить. Цвет символов такой же, как у механизмов, когда дар техно подсвечивает уязвимое место. Одет незнакомец в пятнистые зеленые штаны и куртку – как обычный рабочий. Он переводит на меня взгляд.

– Привет, Леон. Я ненадолго.

Мотаю головой, щипаю себя за руку, но проснуться не получается. Все происходит как на самом деле. Задаю тупейший вопрос:

– Ты кто?

– У меня много имен, – вкрадчиво произносит незнакомец, и по его невыразительному лицу бегут волны, как от камня, брошенного в воду, проступают другие черты, теперь это зеленоглазый блондин, и его раскосые глаза сияют, будто звезды. – А времени мало. Скоро произойдет одно событие... неприятное. Ты потеряешь все, что любишь, чтобы обрести гораздо большее...

От его слов в душе вскипает злость.

– Ты говоришь, как сраный Ваалов прислужник! Я не согласен терять! И жертвовать ничем не буду.

Незнакомец морщится, вскидывает руку.

– Тсс! Сколько эмоций. Ты должен понять. Ты точно так же раскрываешь спящие таланты у своих детей. – Он к чему-то прислушивается, смотрит сквозь потолок и торопливо заканчивает: – У нас нет другого выбора. Просто знай: так надо, от тебя многое зависит, и мы верим в тебя. Ваш мир устал от богов, а боги устали от вас. И да, мы знакомы.

Он щелкает пальцами и исчезает, остается лишь белесый огонек, перемещается выше, сливается со звездой, нарисованной на потолке. На его месте остаются символы, складываются в понятные буквы:

Шахар

Высшая сущность первого порядка

– Шахар?! – срывается с моих губ, и буквы светлеют, исчезают.

Мотаю головой, избавляясь от наваждения. Так это был ни хрена не сон?!

Меня раздрают противоречивые чувства. С одной стороны, самолюбие противным голосом скрежещет: «Вот видишь, ты великий избранный» – а с другой, здравый смысл крутит пальцем у виска: «Ты уже с богами разговариваешь? Крысы мозги обгрызли?» И совсем тоненький голосок ребенка, который живет в каждом взрослом, пищит: «Как ты мог бога сраным

обозвать?» И уже взрослый я ему возражает: «А чего он оделся, как черноротый? Откуда мне знать, что вот это – Шахар, а не глюк?»

Смотрю на часы: тринадцать тридцать, время обеда. Кладу флешку с заметками в тайник и мысленно рисую план, чем буду заниматься весь день. Мне нужно подняться на поверхность и досконально изучить местность, куда сядет транспортник. Желательно – снять на камеру.

Трикстер всегда должен быть готов принять бой и если надо – умереть, потому у каждого взрослого в нагрудном кармане – шприц-тюбик со смертельной дозой цианида, два пистолета, нож, противогаз, патроны. Налет зверобогих может произойти в любой момент, в свои тридцать один я пережил двадцать два. Семнадцать – как боец. Каждый налет обозначался звеном татуированной цепи, обвивающей руку – двадцать два звена как партии, выигранные у смерти. На моем счету пять флаеров и двадцать шесть уничтоженных экзоскелетов – больше, чем у сорокалетнего старожилы Кена. И если раньше мы просто убегали, огрызались, только если нас загоняли в угол, как крысы, то теперь благодаря способностям техно – бьем в ответ.

И появление Шахара обнадеживает меня, придает сил и уверенности, что наш народ не брошен на произвол судьбы.

Столовая представляет собой длинную бетонную трубу с выровненным полом, в стенах – множество карманов, шахты, ведущие наверх, переплетающиеся провода, трубы и десятки ходов, разбегающихся в стороны – к комнатам, складам, прочим помещениям.

Тянет жареным, отчего в животе урчит. Я ускоряю шаг, запахи усиливаются. Вскоре появляются звуки – равномерный гул голосов, звон алюминиевых ложек. Тонко, на одной ноте визжит маленький ребенок:

– Я не буду это есть. Не буду. Ааааа!

А вот и столовая, разделенная на две части: детскую дальше и взрослую ближе ко мне. Раздаточная, где выстроилась очередь из четырех человек, посередине. Ребенок продолжает орать, и в голове свербит от его визга. Здоровуюсь с теми, кого сегодня не видел, беру тарелку, ложку и кусок лепешки, ставлю это все на поднос, подталкиваю его к молоденькой круглолицей Наоми. Она плюхает два бурых сгустка с коричневыми вкраплениями и виновато пожимает плечами:

– Остатки гороховой крупы, картофель, лук, синт. Плюс витамины и микроэлементы.

Наоми была моей ученицей и так и осталась простой. Бедолага до сих пор меня боится.

Благодарю ее, сажусь за столик со Стариком Кеном, лишившимся левой кисти во время последней облавы, отправляю в рот обед... И понимаю орущего ребенка. Каша напоминает сырую землю, проще ее выплюнуть, но заставляю себя съесть все. Мы должны быть сильными, а питательных веществ в ней достаточно.

Ничего, завтра мы возьмем транспортник, и у нас появится нормальная вкусная еда. Мы больше не будем жрать эту землю вперемешку со мхом. Одним – солнце и небо, другим – сырость, плесень и ржавые трубы, одним – властвовать и жрать деликатесы, другим – пухнуть с голоду и давиться синтетическим дерьмом. Одним – повелевать и карать, другим – убегать и прятаться. Скоро это закончится.

Когда я был мальчишкой, в нашей стае было тридцать шесть человек. Теперь нас восемьдесят, и в это есть мой огромный вклад.

Воспитатели поднимают своих подопечных и ведут к выходу. Нахожу взглядом Гитель, она жестами велит детям убирать со стола. Моя женщина – ментал, она чувствует мое внимание, поворачивает голову, улыбается и кивает. Столько тепла в ее улыбке, столько нерасстраченной материнской нежности, что на душе теплеет. Понимаю, что это внушение, без поддержки менталов нам было бы тошно жить.

Дети вереницей муравьев несут тарелки в мойку, я тоже поднимаюсь, слышу подозрительный посторонний гул – словно ток бежит по проводам, напрягаюсь, пытаюсь понять, откуда он. Трубы гудят по-другому. Доносится скрежет, шлепки шагов, скрип...

Облава?!

Зверобогие обошли нашу сигнализацию?! Но как? Выхватываю обрез, палю вверх. Грохот прокатывается по столовой, визжат дети, инстинктивно прикрывают голову руками.

– Облава! – что есть сил ору я, окидываю взглядом столовую.

План эвакуации у нас многократно отработан, вот только есть одно «но»: слишком много людей в одном месте, процесс может затянуться.

– Штурмовые группы – на позиции! – хрипит Кен, выхватывая плазменную пушку, терпеть их не могу – громоздкие неудобные хреновины, другое дело – старый безотказный дробовик, тем более – в руках техно, который знает, куда стрелять.

Командование детьми – задача Гитель. Эвакуация начинается с наиболее ценных членов стаи:

– Группа тринадцать-четырнадцать! – командует она, и две стайки подростков с пистолетами наготове начинают карабкаться по трубам к узким ходам в стенах, где можно бежать лишь на четвереньках: одна группа – слева, другая – справа. – Группа пятнадцать-шестнадцать – огневая поддержка.

Подростки постарше прилипают к стенам, у всех по паре пистолетов, это наши запасные бойцы, которые должны прикрывать отход малышей, если взрослые не справятся.

Подождав, пока эвакуируются тринадцатилетки, Гитель распоряжается дальше:

– Одиннадцать-двенадцать!

Напряженно поглядываю в коридор со своей стороны. Понимаю, что прорываться зверобогие будут с другой. Скорее всего, мне предстоит самая трудная задача: отступая, вызывать огонь на себя, отвлекать, уводить врагов от нашей стаи.

Двадцать лет назад каждое нападение сопровождалось газовой атакой, позже зверобогие поняли, что у нас противогазы, и нас это не берет. Обычно враги вперед посылают четверку в экзоскелетах с парализаторами, затем идут штурмовики, собирают жертв, приготовленных для Ваала, поднимают их на поверхность, грузят во флаеры. Уже пять лет зверобогим не удалось никого из моей стаи забрать или убить, они терпели поражение благодаря нашим техно и лабиринту ходов в стенах. При каждой облаве стая просто рассеивалась, и чтобы кого-то поймать, зверобогим приходилось разделяться, что было опасно – их атаквали группы наших боевиков.

Всматриваюсь в темноту, ожидая увидеть огромные силуэты в экзоскелетах, но в этот раз все по-другому: через проем между створок дверей в том конце столовой замечаю штурмовиков в брониках, обычных солдат, в плохо освещенном коридоре мечется множество теней.

Не дожидаясь команды, Хаим и Бэн, засевшие у противоположного входа в столовую, открывают по ним огонь, от грохота закладывает уши. Воспитатели справляются, дети успевают рассеяться, простые бегут в нашу сторону, исчезают в темном коридоре – все идет как нужно. Последним ковыляет Барка, мальчик со сломанной ногой, он физически не сможет убежать на четвереньках по боковым ходам, как остальные дети.

К Хаиму и Бэну стягиваются две дополнительные штурмовые группы. От выстрелов грохочет так, что кажется, рвется пространство. Нападающие палят по бронированной двери, где наши оставили узкий зазор, чтоб отстреливаться, тянуть время, позволяя детям, женщинам и простым уйти. Створки двери пока выдерживают, вздрагивают, с полочка сыплется песок и каменная крошка.

Нападающие предпочитают плазменные пушки, которые бьют по площади. Наша задача – не дать им выстрелить, пока в столовой люди.

Дети, молодцы, не паникуют, восьмилетки уже на трубах, лезут в норы, воспитатели, тревожно поглядывая на наших бойцов, сдерживающих натиск, подсаживают на трубы шести- и пятилеток. Малышня, как тараканы, разбегается по норам. На подходе – ясельная группа, которой занимаются старшие подростки, исчезают в норах вместе с мелочью. Когда взбираться собираются воспитатели, одна из створок двери в том конце коридора не выдерживает, слетает

с петель, и, сбив Хаима, протаскивает его по полу, оставляя кровавый след, врезается в раздаточную, опрокидывая на себя гору посуды.

Один убитый... перевожу взгляд на наших бойцов, сдерживающих натиск, вижу согнувшегося в три погибели Бэна, баюкающего руку. Плюс один раненый.

Старший группы командует Бэну уходить, он лезет на трубы.

К тому моменту в норах уже исчезли подростки с малышами и уходили последние воспитатели, Гители среди них не было. Плазменный разряд, выпущенный зверобогими, попадает в середину столовой, я инстинктивно вскидываю руку, защищая лицо от жара взрыва и обломков раскученных стульев и столов, и мы с Кеном перемещаемся из столовой за дверь, прижимаемся к стенам.

– Отступаем, – командует Кен, и семеро обороняющихся малыми группами начинают перебежать к нам, в конце концов у двери при входе в столовую остаются двое.

В кровь впрыскивается адреналин. В ушах звенит, руки чешутся вскинуть дробовик, поймать на мушку голову зверобогого и вдавить спусковой крючок, а еще лучше скользнуть за спину, полоснуть тесаком по горлу, чтобы алая кровь раскрасила бетонную стену. Но нужно ждать. Второй и третий плазменные разряды разносят столовую, железным осколком Кену оцарапывает щеку.

Один за другим наши бойцы растворяются в темноте коридора за моей спиной, каждый бежит патрулировать свой участок на случай, если зверобогие ринутся туда. Последняя пара нападающих отступает вдоль стены, Кен дает залп из плазменной пушки, разряд ухаает за дальней дверью. Чтобы зарядиться плазменной пушке, нужно две-три минуты минут, и я стреляю из дробовика по вбежавшему в столовую зверобогому. Попадаю в бронежилет. Нападающий падает и перекачивается за перевернутый стол.

Теперь надо бить на поражение, и я меняю патроны с крупной дробью на пулевые. Если броник они не пробивают, то гермошлемы – запросто.

Второй нападающий перекатом уходит к стене, а оттуда ныряет за деревянную стойку столовой, и одновременно в помещение врывается третий, но этому не везет, я попадаю ему не в голову даже – в шею, он роняет плазменную пушку, хватается за горло и падает.

Тела врагов защищены кевларовыми бронежилетами, потому есть смысл стрелять только в голову и по ногам. Наша задача – не победить, а чтобы атака захлебнулась.

К нам подбегает последняя пара обороняющихся, мы должны сдерживать врагов, чтобы дать шанс детям и простым уйти подальше.

– Суки! – выдыхает Дэн, восемнадцатилетний мальчишка с ярко-синими глазами, открывает рот, чтобы договорить, и тут в нескольких метрах от нас, по ту сторону двери, в столовой, ухаает плазменный разряд.

Створка выдерживает, но мы глохнем от грохота, в ушах звенит, башка кружится. Дэн отвечает из своей плазменной пушки, у него из уха бежит струйка крови.

– Сколько их? – ору я, еле слыша свой голос.

Дэн чиркает себя по горлу – много.

– Отступаем к спальне, здесь мы в ловушке, – продолжаю я.

Мы едва успеваем отбежать от двери, как взрывается еще один плазменный разряд, на этот раз створку выворачивает, и если бы мы остались там, нас растолкло бы в мелкий мак. Зловеще улыбаясь, Кен прикручивает бомбу с часовым механизмом к трубе.

– У нас есть полминуты. – Он улыбается, и на его окровавленном лице улыбка выглядит как оскал.

Слома голову несемся вперед, пытаюсь мысленно считать секунды, но сбиваюсь. Поворот, еще поворот. Из наших – никого, все успели разбежаться. Молодцы!

– Разделяемся, – команду я, указывая Дэну на узкий коридор, а мы с Кеном продолжаем бежать по центральному, вырливаем в просторный зал, где в широком желобе, делящем помещение на две части, мутным потоком текуч нечистоты.

Позади нас грохочет взрыв, бетон под ногами вздрагивает... Надеюсь, что трубу разорвало, и нападающих смыло к хренам.

Добегаю почти до конца зала, и тут мне навстречу из бокового коридора вываливается мой ученик Барка с загипсованной ногой. Мальчик опирается на плечо Наоми, они пятятся, целясь в темноту. Там, откуда они выбежали, скрежещет, топает зверобогий в экзоскелете, я не вижу его, но узнаю по звукам, рождающим ассоциации со смертью. Наоми тянет Барку за плечо, предлагая отступить, но сосредоточенный мальчик сбрасывает ее руку и остается на месте. Девушка поворачивает голову, видит меня, открывает рот. Ее слова и выстрел мальчика звучат одновременно.

Дело плохо, надо спасать мальчишку! Он техно... С грохотом падает экзоскелет, его металлическая башка высовывается из коридора, по ней бегут электрические разряды.

– Кен, задержи зверобогих, – уже подбежав к Наоми, команду я.

Она вздрагивает, поворачивая голову. Я хватаю Барку под мышки. К тому моменту Кен становится на поверженного зверобогого, палит по наступающим невидимым мне врагам, грохочущим, переговаривающимся в коридоре.

– Ты герой, – говорю, забрасывая Барку на трубу теплотрассы. – Видел, какого здоровенного завалил? Это твой первый.

Мальчишка сияет от счастья.

– Я смог!

Нужно взобраться еще на одну трубу, и там будет узкая вентиляционная шахта, идущая под уклоном, где вполне может пролезть ребенок, но не взрослый.

Грохочут выстрелы. Оборачиваюсь. Наоми прыгнула в нечистоты и уже доплывает до другого борта канавы. Кен стреляет из дробовика, прижавшись к стене.

– Их слишком мно... – он вскрикивает, хватается за грудь, вижу кровь между пальцами.

Вторая пуля пробивает его голову, и в коридор выскакивает зверобогий в бронежилете и гермошлеме, он стоит полубоком, уязвимость на груди недоступна. Если я брошу Барку, то успею нырнуть в дерьмище и переплыть на ту сторону. Будет шанс, но... Смотрю на мальчишку, который пытается залезть на трубу, но ему мешает сломанная нога. Встречаюсь с ним взглядом. В его глазах – не мольба о помощи, а злая решимость.

...Но как с этим жить?

Хрен с вами! Подтягиваюсь, забрасывая себя на трубу, помогаю Барке. Зверобогий замечает нас, направляет пистолет-парализатор. В обивку трубы, где только что был мальчишка, впиваются ампулы.

– Вытяни руки! – команду я, мальчик слушается, я толкаю его в вентиляционную шахту, он начинает уползать.

Труба работает как укрытие, зверобогие снизу не могут в меня попасть. В принципе, можно попробовать доползти до столовой и попытаться незамеченным уйти по трубам дальше или затаиться. В вентиляцию мне точно не пролезть

Выглядываю и тотчас получаю залп из парализаторов. Зверобогие лезут и из второго коридора, оттуда, где была столовая. Я окружен, и только чудо способно меня спасти. В чудеса я не верю. Значит, моя последняя задача – забрать с собой как можно больше зверобогих. Жаль, гранаты нет, и патронов для дробовика осталось мало. Когда они закончатся, буду отстреливаться пистолетами, с которыми не расстанусь даже когда сплю.

Лежа на спине заряжаю дробовик, выглядываю, стреляю. Одна моя пуля попадает в гермошлем, другая – в бедро второго нападающего. Снова перезарядка. Высовываюсь и тут же

прячусь, потому что меня атакуют четыре дрона с парализаторами. Шприц-тюбик вонзается в бедро.

У меня есть пара секунд, чтобы уколоть себе цианид. Выхватываю шприц и полностью ввожу в бедро за миг до того, как веки смыкаются.

Три мысли одновременно гаснут в голове: мне еще рано умирать, здорово, что я создал систему выявления техно, хрен вы меня получите, зверобогие!

Глава 2. Ты потеряешь все

Первым просыпается разум, мечется внутри обездвиженного тела. Я должен умереть, потому что вколол себе смертельную дозу цианида. Наверное, это и происходит – медленное умирание, ведь мозг погибает не сразу, а долгое время угасает, отчего люди видят диковинные картинки. Больше всего мне хочется увидеть Гитель, обнять ее, зарыться лицом в ее кудри.

Но то ли изменилось восприятие времени, то ли смерть не спешит. Мало того, начинают возвращаться ощущения: я замерз, ноет рука, в голове болезненная пульсация. Открываю веки и вижу серый асфальт, куда я воткнулся лицом, и из разбитого носа уже натекла струйка крови.

Воняет помойкой. Кто-то тянет за ногу. Поднимаюсь на локтях, и от меня отбегает оцепеневшая шавка. В двух шагах вижу мусорные контейнеры, за ними – бетонную стену. С трудом поднимаюсь, отхожу к стене. Превозмогая тошноту, вскидываю голову и далеко в темноте вижу снующие огоньки флаеров.

Потираю виски, пытаюсь восстановить в памяти, что со мной случилось. Я сдерживал облаву, помог Барке уйти, а сам не смог. Зверобогие вкатили мне парализатор, но я успел вколоть себе цианид...

Так какого хрена я живой?! Что случилось со мной, пока я был без сознания?

Появляется стойкое ощущение бредовости происходящего. А может, я – не я? Закатываю рукав и вижу свои татуировки в виде звеньев цепи. Ощупываю себя, нахожу пистолеты, противогаз за спиной. А вот дробовика нет, как и половины патронов к нему. То есть перестрелка все-таки была. Я цел, невредим, только в голове какая-то каша...

Достаю шприц-тюбик с цианидом и леденю. Сто процентов, я вколол его себе в бедро! Или нет?

Трясу головой, и меня на миг выключает. Если бы не опирался на стену, свалился бы. Чернота вспыхивает ядовито-зелеными цифрами, они бегут сверху вниз, как по монитору – символы, когда слетает система. В правом углу экрана мигает риска курсора.

Или кажется, или из символов проступает шевелящее губами человеческое лицо, которое я видел совсем недавно...

Шахар?

Распахиваю глаза, бездумно смотрю на носок берца. На всякий случай проверяю нож за голенищем: на месте.

Как все прошло? Стали ли зверобогие ловить моих ребят по норам или получили меня и ушли?

Массирую виски, стимулируя извилины, и ухожу из подворотни выяснять, куда меня занесло. Выруливаю на улицу, где катят автомобили, слепя встречными фарами, верчу головой в поисках ориентиров. Справа высится ступень зиккурата, светящаяся огнями окон. Насчитываю их тридцать девять. Дома здесь двухэтажные, автомобили пыхтающие, есть люди на велосипедах – значит первая ступень зиккурата, населенная отбросами общества зверобогих – черноротыми.

Ага, вон телевышка мигает красным огоньком, а вдалеке, отражая свет города, высится дымящая труба, похожая на гигантскую сигарету.

– С дор-р-роги! – меня отталкивает кряжистый дед с авоськами, ковыляющий по своим делам.

Что ж за бардак в голове? Уже ночь, нужно подумать, что делать дальше и куда двигаться, а что-то не соображается. Начинается дождь, надо где-то спрятаться, переждать его. Взгляд останавливается на светящейся вывеске кафешки с незамысловатым названием «Вкусно». Находиться под одной крышей со зверобогими, пусть и низшей ступени, неприятно, чувствуешь себя волком на псарне, но особо выхода нет. Обыскиваю карманы, нахожу двадцать пять

шекелей монетами, захожу в бар, где пахнет жареным луком, и живот жалобно урчит, будто я не ел больше суток.

Мне хватает на чашку чая и кусок пирога с синтетическим мясом. Сажусь за единственный свободный столик позади бурно празднующей компании, кусаю пирог, проглатываю огромный кусок, запиваю сладким чаем, и в голове светлеет. Приходят мысли, что я точно побывал в плену у зверобогих, они, скорее всего, меня чипировали, чтобы я привел их к моей стае, а значит, возвращаться к своим мне нельзя.

Нельзя сделать то, что хочется больше всего: узнать, захлебнулась ли зачистка, удалось ли спастись детям и бойцам, сдерживавшим нападение. Да просто заснуть в своей постели!

Как же хреново! Злость разъедает изнутри кислотой, реагирует с беспомощностью, и кажется, меня вот-вот разорвет.

Все паршиво, но не фатально, ведь у меня есть приятель Лари, который умеет удалять чипы без угрозы для носителя. Лари мне жизнью обязан и не должен отказать. И во-вторых, даже если придется раскошелиться на операцию, это лучше, чем сгореть в чреве Ваала или просто сдохнуть от цианида.

Доедаю кусок пирога – он будто в бездну провалился – и поднимаюсь с твердым намерением прямо сейчас навеститься к Лари, пусть просканирует меня и скажет, что к чему. Мимо проходит фигуристая официанточка с подносом, где горкой сложена грязная посуда, ровняется со столиком, где гудят подпившие работяги (один уже упал лицом в салат), и красномордый лысый мужик хватается за руку, рывком сажает себе на колени. Падает поднос, со звоном рассыпается посуда, стакан катится к моим ногам, я отпихиваю его берцем и направляюсь к выходу.

Удивительно, откуда-то я знаю лысого, но, невзирая на великолепную память на лица, не помню, где мы пересекались.

Адгербал, 34 года

Сектор-1, ступень 2, деклассированный элемент.

Меня не волнуют дела зверобогих. Каждый, кто поклоняется Ваалу, мой враг. Сами разберутся. На выручку брыкающейся официантке спешит бармен, но его останавливает косматый здоровяк, отводит в сторону, сует в карман деньги, парень перебирает купюры, жадно кивает. Отвратительные твари! Не просто так их называют черноротыми. За три шекеля мать родную продадут.

Лысый тащит девчонку к выходу, она орет и вырывается. Отворачиваюсь и ускоряю шаг, и тут меня накрывает волной злости, красным вспыхивает мысль, облеченная в слова:

Зафиксировано противоправное деяние!

На миг появляются столбцы зеленых цифр, трансформируются в волну негодования, которая захлестывает меня и несет, несет...

Мысли отключаются. Остается жгучая ненависть и рефлекс. Разворачиваюсь на пороге, оцениваю ситуацию. Преступников семеро. Силуэты двоих – лысого и здоровяка – подсвечены багровым, и я откуда-то знаю, что передо мной насильники и убийцы, приговоренные к смерти, а я – рука правосудия. Эти семеро пьяны, и их единственное оружие – деньги. Грязные пару тысяч за честь и, возможно, жизнь девчонки.

Двое сидят, допивая водку, третий пытается поднять четвертого, пятый и шестой держат девчонку в разорванной блузке, которой что-то втирает лысый Адгербал, стоящий ко мне спиной

Выхватываю два пистолета, стреляю в голову лысому, затем шестому – тем, что подсвечивались красным – пятого вырубая ударом локтя в висок. Девчонка вырывается и несется к выходу. Откуда-то знаю, что остальные не так опасны, потому, отступая, просто держу их на прицеле, а они, разинув рты, поднимают руки.

Ухожу под гробовое молчание и уже на улице получаю мысль-фразу:

Ты предотвратил преступление!

Осталось предотвратить 499 правонарушений.

В первое мгновение я таращусь на текст и пытаюсь его осмыслить, просыпается злость, негодование, непонимание, а потом кто-то будто перышком по разуму проводит, и появляется странное отупение. Так и должно быть. Гораздо важнее сейчас оторваться от тех, кто попытается меня догнать, чтобы отомстить.

Ныряю в темный переулок и бреду, оглядываясь в ожидании погони, петляю, путаю следы, ругая себя за совершенную глупость. Что на меня нашло? Мало мне неприятностей? На хрена ввязался? Неужели чипы могут так влиять на сознание?

На ходу ощупываю голову, шею, куда обычно вживляют чипы, но ничего не нахожу. На часах начало девятого. Срочно нужно к Лари, я не принадлежу себе и могу наделать глупостей. К тому же не терпится узнать, как там моя стая, удалось ли Барке уйти от зверобогих.

* * *

Зиккурат разделен на сорок открытых исполинских ступеней, причем каждая нижняя больше верхней, здесь находятся богатые (по меркам черноротых) дома, а так же – парки, объекты культа и развлечений. Дальше начинается улей, где тысяч ячеек обитаемого сектора, разделенного на множество ярусов, за ними – Сердцевина. Здесь мусороперерабатывающий завод, цеха по производству химикатов и пластика, а так же лифты, по которым сверху спускаются руководители отделов и жрецы, но обитателям первого яруса допуска наверх нет, поскольку, как и трикстеры, они не внесены в базу данных. И делать с ними можно что угодно, тут царит полный беспредел.

В Сердцевине первых ступеней раздолье для ловкого вора: множество огромных вентиляционных шахт, где можно передвигаться даже стоя, складов с устаревшим оборудованием и техникой. Я любил делать на них набеги, воровать запчасти и собирать из них разные механизмы.

Так я и наткнулся на погибающего Лари... Сейчас он обитает в техногенной части зиккурата, Сердцевине, где, как и у нас в подвале, не видно неба и солнца.

Сейчас он оборудовал несколько лабораторий в разных частях города, а жил в самой обычной двухкомнатной конуре в многоярусной обитаемой части Сердцевины – Улье.

До Улья добираюсь в десять, и еще полчаса, готовый в любой момент выхватить пистолет, иду по плохо освещенному каменному коридору, где справа и слева однотипные пронумерованные железные двери, из-за которых доносятся крики, или детский плач, или музыка. Но обходится без неприятностей. Если Лари нет дома, придется ночевать, где найду место.

Останавливаюсь напротив двери с цифрой 4589, подаю условный сигнал: по два удара трижды. Из-за двери доносится шорох, возня.

– Кого принесло? – возмущается Лари, хотя отлично видит меня в глазок.

– Ты когда собираешься возвращать долг? – отчетливо произношу я.

Фраза обозначает, что мне нужны его услуги определенного рода.

– Жди там, – говорит он.

Минут десять, растянувшись в целую вечность, подпираю стену, ловлю настороженные взгляды редких прохожих, только двум подросткам, целующимся в коридоре, все по барабану. Наконец Лари являет свой светлый лик, его изумрудно-зеленые благодаря линзам глаза лучатся, лицо настолько подвижно, что не успеваешь считывать эмоции. Он недавно мыл голову, и волосы высохли не до конца, из-за чего вместо привычного «одуванчика» у него на голове четыре антенны из кудрей.

– Знаю, поздно, – говорю я. – Прижало.

– И тебе привет, Леон. – Он шагает по коридору, беспрерывно почесываясь и похлопывая себя по набедренным кобурам, сто лет его знаю, но до сих пор понять не могу, это у него нервные подергивания или он под веществами. – Пряма тебя прижало, или у кого-то левого залет?

– По ходу, меня, – отвечаю мрачно.

Остальную часть пути молчим. На огромной подземной автостоянке, перечеркнутой лучами прожекторов, больше напоминающей кладбище машин, Лари находит свой фургон с металлическим кузовом без окон, ключом открывает дверцу, включает свет внутри и запирается там. У него в фургоне живет Билл, глухонемой помощник, который, видимо, уже спит, и требуется несколько минут, чтобы он очухался и сел за руль, ведь дечипирование должно происходить в движении, чтобы нас невозможно было отследить.

Заметив возню на охраняемой территории, из темноты выходят два мрачных бородача с дробовиками, один берет меня на мушку, второй стучит в фургон и рокошет:

– Лари, у тебя все в порядке?

Со скрипом опускается стекло фургона, Лари высовывает руку, здоровается с бородачом.

– Да, все ок. Вы ж знаете, что Муравья никто, кроме меня, не заведет. Но вы молодцы – следите!

Потеряв к нам интерес, бородачи удаляются, а я думаю, что мне завести Муравья – как два пальца, даже мои ученики-техно справятся.

Билл – маленький, квадратноголовый, с проплешинами, напоминающий помоечного котенка – трансформирует кровать в три сиденья, кивает мне и усаживается за руль, я залезаю в салон.

Именно таким должен быть помощник Лари – глухонемым, работающим за еду, чтобы не выдал секреты босса, если его прижмут зверобогие.

Когда отъезжаем от стоянки на несколько километров, Лари открывает дверцу в фургон, где у него лаборатория, и мы перемещаемся туда. Большую часть устаревшего медицинского оборудования Лари адаптировал к современным реалиям, к нему обращаются даже зверобогие с верхних ступеней – он удаляет им чипы без побочек, и проштрафившаяся элита пополняет ряды черноротых.

Я знаю всех этих людей, ведь у них есть то, что мне нужно – информация, которая может пригодиться в будущей войне. И еще они – единомышленники, отвергнувшие Ваала.

Усаживаюсь в кресло с фиксаторами для рук. Лари врубает лампу, направляет слепящий свет вбок, включает рядок мониторов, расположенных вдоль стен, берет стальной диск с датчиками.

– Что проверяем? Чего ты вообще ко мне приперся?

Прикладываю палец к виску.

– Кажется, у меня чип.

Лари склоняет голову набок, его сияющие глаза вмиг превращаются в льдинки... нет, в стальные скальпели.

– Ха-ха! Кажется? С чего бы?

Снимаю с себя все железное: достаю пистолеты, нож, высыпаю патроны, отстегиваю противогаз, болтающийся в мешке за спиной, рассказывая о своих сегодняшних приключениях. Лари слушает, кивает и почесывает голову.

– Н-да, странно, что зверобогие вообще тебя отпустили. Они уже давно так не делают. Ну да ладно, сейчас посмотрим, где у нас жучок.

Он с улыбкой подносит к моей голове стальной диск, мигающий красными лампочками, и они начинают жужжать, перекрывая шум мотора, меняют цвет на зеленый.

– А бывает так, что чип контролирует носителя? – Скосив взгляд, смотрю на монитор, где появляется мой череп, шейный отдел позвоночника, ребра...

– Не-ет, он просто содержит информацию и служит для идентификации. – После того, как отсканировал ноги, Лари комментирует: – Ничего не понимаю. Вижу только титановую вставку в правой малой берцовой кости. Нет у тебя ни чипов, ни жучков.

Он поднимается, задумчиво смотрит на сканер, как в зеркало. Фургон поворачивает, и мы едва удерживаем равновесие. Лари садится в кресло, потирает гладкий подбородок. Я распределяю патроны по ячейкам патронташа, сую пистолеты в кобуры, нож – за голенище берца, тянусь за вещмешком, поворачиваю голову и замечаю, как по лицу Лари будто бы пробегает волна, стирает с него беззаботность, меняет цвет кожи на мертвенно-бледный. Он глядит с ужасом и, направляя на меня пистолет, шепчет:

– Мама-Иннана...

В этот момент его силуэт вспыхивает красным, в голове появляется знание, что передо мной опасный преступник, которого нужно ликвидировать, и одновременно Лари нажимает на спусковой крючок, но я успеваю метнуться в сторону. Пуля застревает в кузове. Лари не успокаивается. Пятясь назад, продолжает палить в меня, засевшего за креслом, тряска едущего автомобиля не прибавляет ему меткости.

Что за хрень?

Я мог бы уложить Лари, мало того, я безумно хочу... нет, я ЖАЖДУ это сделать, просто руки чешутся, но остатками разума понимаю, что нельзя, во-первых, я его уважаю, во-вторых, он должен рассказать, что со мной происходит.

– Убирайся отсюда прочь, тварь! – орет он.

Теперь он бежит ко мне, рискуя нарваться на мою пулю, откатываясь к мониторам, стреляю в его руку с пистолетом. Третья пуля находит цель, Лари вскрикивает, роняя оружие, я бросаюсь на него. Валю его на пол, сажусь верхом, заламывая руки, и глаза застилает багровая муть, ширится, пухнет желание убивать, заслоняет здравый смысл.

– Что происходит, Лари? – с трудом подавляя ненависть к нему, спрашиваю я.

В его глазах плещется ужас, тело бьет крупная дрожь. Или это просто машина едет по плохому асфальту и трясется?

– Ты больше не Леон, – говорит он, выплевывая слова. – Ты – крысоед. Тебя отпустили, чтобы ты вернулся и убил всех, кого любишь. Тебе вряд ли дадут даже сдохнуть, и все, что ты можешь – уехать в другой зиккурат, чтобы не подвергать опасности свою стаю.

Я понимаю его слова, но не принимаю их.

– Как это возможно? – говорю, вставая с него.

– Не знаю, – он сворачивается калачиком, баюкает раненую руку, а сам поглядывает на валяющийся на полу пистолет. – Воздействие идет на мозг безо всяких чипов. Программа называется «Крысоед».

Видимо, от сопротивления программе перед глазами начинает темнеть, инстинкт самосохранения намертво сцепляется с разумом, который отказывается подчиниться и убивать Лари. А вот бывший приятель тянется за пистолетом левой рукой. Берцем отшвыриваю оружие, выбираюсь из лаборатории на переднее сиденье и приказываю Биллу остановиться, он перестраивается в крайний ряд, я выскакиваю из фургона и не разбирая дороги бегу прочь.

Несусь, шлепая по влажному асфальту. А когда приходит осознание, что я стал куклой зверобогих, изо всех сил желаю выбежать на трассу, но ноги не слушаются меня. Потом пытаюсь спрыгнуть с моста, но не могу сдвинуться с места. Мне не нужна такая жизнь, но я нужен ей.

Ты не смог ликвидировать преступника и предотвратить его грядущие злодеяния.

Твое предыдущее достижение аннулировано.

Осталось предотвратить 500 правонарушений.

В наказание я чуть дольше бесконечности терплю такую головную боль, что едва не отключаюсь. Постепенно возвращается способность соображать, и становится еще хуже. Боль, разрывающую душу, не погасить лекарствами, не заткнуть действиями.

Зверобогие превратили мою жизнь в жалкий обрубок без радости и цели. Мне нельзя вернуться к тем, кого я люблю, я опасен для них. У меня нет даже надежды, что найдется выход.

Бездумно бреду по мокрому асфальту, а потом мокрый, отчаявшийся, я просто сажусь на мост и свешиваю ноги. Бездумно смотрю на пустынную ярко освещенную площадь с идолами богов, в брюхах которых – приемники для вещей. Считается, что Ваал брезгует черноротыми, потому не принимает от них человеческих жертв, и они жертвуют вещами, которые не сгорают, а переходят служителям культа, спускающихся сюда с верхних ступеней.

У меня нет денег и сухих вещей. Думаю, Ваал не обидится, если я его немного выпотрошу. А если обидится, тем лучше.

Спускаюсь на огромную площадь, которая заканчивается храмом, а на нем – голопроектор, транслирующий ролики из жизни богов. Блики отражаются в мокром асфальте, и я будто бы шагаю по акварельному холсту, выполненному техникой по-мокрому. Ценитель прекрасного во мне так сокрушается, что под рукой нет красок и холста, что я даже ненадолго забываю о своих проблемах.

На полпути к крайнему идолу я замираю, потому что голограмма меняется: появляется дикторша в белом костюме с огромным стоячим воротником и объявляет:

– Внимание всем жителям Нового Карфагена! Минуту назад в возрасте ста пятидесяти трех лет скончался Белый Судья. Отныне мир погрузился в хаос, и безвременье продлится до тех пор, пока воплощенная Танит не снизойдет до божьего избранника. Помолимся, чтобы это свершилось как можно скорее.

Ее голос звучит одновременно торжественно и зауспокойно. Следующий кадр – поющие жрецы, сменившие одеяния с красного на черный.

Вот это новость! Как все наслаивается: облава, слова Лари про программу «Крысоед», а теперь еще и смерть Белого Судьи... Представляю, как миллиарды Вааловых прислужников сейчас рвут волосы на всех местах, и сама собой появляется злорадная улыбка.

Сто лет назад безвременье длилось месяц, за это время два древнейших рода вырезали друг друга чуть ли не под корень в борьбе за власть. Пекин отказался подчиняться Новому Карфагену, пролились реки крови зверобогих. А потом Танит снизошла до представителя одного из враждующих родов, и он стал сыном Ваала – Белым Судьей, персонажем приближенным к богам. Он остановил войны и междоусобицы, ведь его желания достаточно, чтобы наложить запрет на любое человеческое деяние. И прервать чью угодно жизнь.

Чую, будет у высших зверобогих светопреставление, начнут бросать в огонь своих отпрысков, чтобы Ваал выбрал представителя именно их рода. Думают, «свой» Судья будет со снисхождением смотреть на их беззакония. А хрен там! Он перестает быть человеком и не принадлежит себе.

Закрадывается мысль, а не хотел бы я стать самым могущественным человеком в мире? Миловать и карать, пресекать несправедливость...

Ради себя – на хрен нужна такая головная боль. Но ради своего народа я принял бы дар. Ухмыляюсь. Размечтался, как маленький! Будто это возможно. Более двух тысяч лет Танит выбирает Судью лишь из древнейших родов Карфагена. Не из русских, индийских или китайских последователей Ваала – только из пунийцев.

Запрокинув голову, пытаюсь отыскать в разрывах туч хотя бы одну звезду. Пусть наш покровитель Шахар услышит меня и порадуетя вместе со мной! И да будет так, что Танит не воплотится и мир кровожадного Ваала погибнет!

Слышишь, Шахар?! Бог, как и я, свергнутый и изгнанный из мира, который так любил. Ты должен понимать меня как никто другой.

Радостная новость будто бы оживляет мой разум, и я начинаю искать выход. Если какой-то продвинутый зверобогий создал программу, которую записал в мой разум, значит, должен быть тот, кто сможет эту программу из меня достать. Нужно найти этого человека, пусть даже мне придется подняться на самую высокую ступень зиккурата.

Пусть я буду волком на псарне. Пусть мне придется проститься с трикстерами, но я сделаю это – ради себя и ради них.

Глава 3. Первый шаг к великой цели

Голопроектор транслирует прощание с Судьей: траурная процессия жрецов несет труп старика, чтобы бросить в пылающее чрево Ваала. Это все меня не касается, мне нужно пожрать, потому что желудок прилип к позвоночнику и поет песни. Денег у меня – ни шекеля, но я знаю, где достать еду: забрать у Ваала, ему наверняка пожертвовали что-то съестное. Когда утолю голод, найду место, где переночевать, а утром отправлюсь к Варану, которого Лари дечипировал, за информацией о своей программе или о том, кто ее создал.

Пять лет назад Варана звали Малхом, он занимал не самый последний пост и должен быть в курсе последних разработок зверобогих. Он-то и расскажет, как мне деинсталлировать программу. Не представляю жизни без моей стаи, лучше смерть, чем зверобогие.

В брюхе идолов черноротых вместо печи – приемник для пожертвований, куда кладут еду и деньги: чем больше пожертвуешь, тем больше получишь. На самом деле ни хрена, но зверобогие веруют, и даже самые отмороженные не зарятся на богатства Ваала. Я – не зверобогий, мне можно.

Обхожу бронзовую статую Ваала с бычьей головой, становлюсь за ее спиной, где на уровне моего лица – дверца с примитивным замком, достаю проволоку, чтобы использовать ее как отмычку... И моя рука наталкивается на невидимую преграду напротив замочной скважины. Обалдев, пытаюсь продвинуть руку вперед хотя бы на сантиметр и понимаю, что не в преграде дело: тело перестало меня слушаться.

Что за... Это невозможно!

Чтобы проверить догадку, убираю проволоку, касаюсь замочной скважины. Повторяю попытку взлома – не получается. Меня запрограммировали так, чтобы я не мог украсть. Захлебываясь бессильной яростью, спрыгиваю с постамента и торопливо бреду прочь, сунув руки в карманы.

Все гораздо хуже, чем думалось поначалу. Я вообще ни хрена не могу! Даже слохнуть. Ослепленный злостью, едва не наталкиваюсь на мужчину, идущего навстречу.

Лэт, 32 года

Сектор-1, ступень 8, чернорабочий.

– Смотри, куда прешь, – бросает он и идет дальше, а я замираю на месте.

Откуда мне известно его имя? Оборачиваюсь, провожая взглядом его широкую спину, и тут до меня доходит, что я не знаю его, а просто вижу над головой желтый текст, который транслируется прямо в мозг.

Я схожу с ума?

– Эй, Лэт! – окрикиваю его, и мужчина оборачивается, всматривается в мое лицо.

– Мы знакомы?

– Нет, – отворачиваюсь и чуть ли не бегу прочь.

До сегодняшнего дня думал, что не боюсь ничего, но сейчас стоит помыслить о том, что со мной происходит, и будто ледяные пальцы сжимают горло. Меня лишили свободы выбора, и мучиться неведением до утра я точно не буду. Плевать, что десять минут двенадцатого и с огромной вероятностью Варан уже спит, мне нужно к нему. И если он откажется со мной говорить, заставлю его.

Еще вчера я без раздумий ограбил бы того же Лэта, прыгнул в электричку и доехал до станции, где живет Варан, теперь же мне неоткуда взять денег, и я долго толкусь среди пестрых пассажиров, жду, когда приедет состав со старыми вагонами, где на заднем есть порожек, куда можно встать, и выступ, чтобы зацепиться.

Стоя на одной ноге и рискуя сорваться, я затесываюсь между молодняком и считаю станции.

Спрыгиваю на пятой, где серые стены разрисовано красно-черными граффити, перехожу заплыванную железную дорогу и направляюсь к Улью.

На кнопку звонка мой палец ложится ровно в двенадцать ноль-ноль. Прижимаюсь ухом к двери и слышу возню. Не спит, слава Шахару! Теперь надо, чтоб Варан открыл, ведь он вряд ли меня помнит. Черноротые осторожны, иначе не выживешь, а бывшие аристо – вдвойне.

– Никого нет дома, – доносится из-за двери, я окидываю беглым взглядом потолок в поисках камер и слегка обалдеваю: камера, спрятанная в глазке, будто бы обведена светящимся зеленым кругом.

Проклятая программа подсказывает мне! Причем точно так же, как и раньше, когда я распознавал уязвимости механизмов.

– Открывай, это Леон, – говорю я, хотя понимаю, что хозяин квартиры меня видит. – А то я вышибу дверь... Малх, поверь, лучше тебе открыть.

Я буквально ощущаю, как, услышав свое настоящее имя, Варан теряет спесь.

– Леон? Что ж ты сразу не сказал?

Накрываю глазок ладонью, правой рукой выхватываю пистолет и прижимаюсь спиной к стене.

– Только без глупостей. Я просто поговорить. Если не веришь, выходи в коридор, у меня есть к тебе пара вопросов.

Насколько помню, Варан – пятидесятилетний пузатенький мужик, лысый, как кегельный шар, с желтыми вараными глазами, за что и получил прозвище. Боец он никакой, но огнестрелом владеет в совершенстве. Сразу после дечипирования я за небольшую плату адаптировал его к реалиям нижнего яруса. На месте Варана я пристрелил бы незваного гостя, который в курсе его тайны.

– Ладно, заходи.

Дверь распахивается, но Варан не спешит показываться, так и стоим по обе стороны стены с пистолетами наготове. Жизнь черноротого ничего не стоит, тут до пятидесяти редко доживают даже самые матерые хищники.

– Мне от тебя нужен один ответ и больше ничего, – пытаюсь я решить вопрос мирно, ведь не факт, что программа даст мне выстрелить в Варана, даже если он откроет огонь первым.

Ощущаю себя не просто беспомощным – голым. Прятки могут длиться вечно, потому рыбкой ныряю в дверной проем, перекатом ухожу от выстрелов, сам огонь не открываю, переворачиваю железный кухонный стол и благодарю Шахара, что у Варана не автомат и не обрез, тогда меня стол не спас бы.

– Мне нужна твоя помощь, Варан, – говорю из укрытия.

Тот выпускает пулю в стол, будто ставит точку.

– Чего тебе надо?

Слышу его едва уловимые шаги – он подбирается ко мне. Выглядываю из укрытия, считываю кроваво-красный текст:

Малх, 58 лет.

Уровень 4, ступень 1, инженер-разработчик нефтяных и газовых месторождений.

Преступления: ст.13 (убийство члена общества, находящегося на более высокой ступени иерархической лестницы), ст. 13.1 (двойное убийство с целью наживы)...

Уровень 4, он «бета», а не «альфа», больше мне знать пока необязательно. Отмахиваюсь от текста со списком преступлений и ловлю себя на мысли, что программа может быть полезной, она дает информацию о каждом...

А потом приходит дикое желание ликвидировать преступника. Примеряюсь и изо всех сил толкаю стол в Малха, снова ухожу в сторону перекатом. Стол сбивает хозяина квартиры с ног, он стреляет в стену, я пользуюсь мгновением, бросаюсь к нему, выбиваю пистолет. Переворачиваю Малха на живот, обыскиваю его, отбрасываю в сторону второй пистолет, нож.

С трудом подавляя желание убивать, ставлю Малха на ноги. Из его разбитого носа капает кровь на бежевую рубашку, он разворачивает ко мне ладони, шепчет:

– Не убивай.

– Без глупостей. – Я отступаю на шаг, держа его на прицеле.

Он кивает на стену, где висит картина с изображением моря.

– Тайник там, я скажу, как взять деньги, только не убивай.

Деньги меня уже не волнуют. Мне больше интересно, как долго я смогу противиться программе и успею ли выведать у бывшего инженера то, что мне нужно.

– Расскажи все, что знаешь о программе «Крысоед». Кто создатель и где его найти.

Башка начинает раскалываться, в глазах темнеет – все как в прошлый раз, когда я отказался ликвидировать Лари, только теперь у меня нет в запасе доброго дела – я ушел в минус, и непонятно, какие будут последствия. При таком раскладе если меня пристрелят – нестрашно. Сам не смог выпилиться – пусть это сделают другие.

Варан усмехается.

– Крысоед, значит... Значит, мне хана... Хех.

– Даю слово, что ты останешься жить, если ответишь честно. Но у меня мало времени. Не знаю, сколько смогу сдерживать... это.

– А ты можешь? – Малх недоверчиво прищуривается. – Ладно. Профессор Мелиар Делла, уровень 4, ступень 3. Он разрабатывал программу. Я не в курсе подробностей, но это истинная правда. Я и сам не думал, что у него получится.

– Где он живет?

– Юго-восточное поселение. Большого не знаю.

Выгоднее всего мне его убить, тогда не будет головной боли. Но я дал слово. Это для черноротых обещание и клятва ничего не значат, но даже если придется жить среди них, я никогда им не уподоблюсь. Потому беру его шею в захват и начинаю душить, чтоб он вырубился и не выстрелил в спину.

– Ты не сдохнешь, – обещаю я.

Малх не верит, пытается меня пнуть, дотянуться до глаз, но силы неравны, и вскоре он обмякает. Бросаю тело на пол и, пока самого не срубило, сдвигаю в сторону картину на стене, где обычно делают тайник, чтобы воры нашли его, успокоились и дальше не искали. Не считая кладу деньги в карман, выхожу из квартиры и бегу по длинному коридору, уже слабо различая детали.

Когда перед глазами темнеет, останавливаюсь, держась за стену. Тело будто наполнено расплавленным свинцом, болит каждая клетка, воздух кажется раскаленным. Слава богу, квартира Малха находится недалеко от выхода из улья.

Выбегаю в ночь и бездумно куда-то бреду. Осталось единственное желание – чтобы закончилась боль. Интуиция подсказывает, что это будет длиться вечно, пока я не исправлю ошибку или меня кто-то не прихлопнет.

Замечаю, что за мной идут два лохматых оборванца. Поначалу они держались в тени, но убедившись, что жертва, то есть я, шатается, а значит, пьяна, перестают таиться и начинают сокращать расстояние, в руках одного из них – дубина, у второго – тесак. Несколько минут назад я желал сдохнуть, теперь же, при мысли, что паду от рук пожирателей падали, берет злость, и становится полегче.

Когда до них остается несколько метров, мне окончательно легчает, широко улыбаясь, я оборачиваюсь, не доставая пистолет. В голове светлеет, я считываю информацию о бра-

тях-преступниках (у обоих есть фамилия, что для черноротых редкость), на счету которых несколько убийств, и позволяю захватить себя злости.

Вот теперь я – это я, а не жалкий шатающийся слизень. Оцениваю братьев и предполагаю, что справлюсь с ними голыми руками, меня охватывает горячечный азарт. Улыбаюсь, сплетаю пальцы в замок, хрещу суставами.

– Разомнемся, парни?

Братья переглядываются. Старший скалится и, обнажая пеньки зубов, подбадривает себя:

– Ах ты падаль!

– Да? А вы тогда кто?

– Че ты скалишься? – хорохорится младший, пытается обойти меня слева, старший – справа.

– Выбирайте, что вам сломать: руки, ноги?..

Братья атакуют мгновенно.

Зафиксировано противоправное деяние!

Отшатываюсь влево, уклоняясь от удара тесаком. Одновременно ставлю блок, хватаю руку старшего с дубинкой, локтем бью в кадык, вырывая дубинку.

– Ах ты су...

Крик старшего обрывается хрипом, он падает. Краем глаза замечаю движение сзади и скорее инстинктивно отскакиваю, и вовремя: третий их сообщник, прятанный в тени, пытается ударить ножом в спину, но лишь рассекает куртку и царапает кожу. Проклятая самоуверенность! Гиены обычно нападают стаей.

– Он трикстер, вашу мать! Трикстер! – горлопанит третий, пятясь от меня.

Нападающий с тесаком тоже пятится. Вот теперь не до шуток. У каждого зверобогого – татуировка в виде бычьей головы на седьмом шейном позвонке. Разрезанная куртка обнажила мою шею, не отмеченную тату. Вопрос о том, что сломать горе-грабителям, снимается, я выхватываю пистолет из набедренной кобуры, одному, второму и третьему стреляю в головы и испытываю удовлетворение. Не оргазм, нет. Нечто похожее я чувствовал, когда открывал нового техно – радость после отлично выполненной работы.

Ты предотвратил преступление!

Осталось предотвратить 500 правонарушений.

Предотвратив 50 правонарушений, ты получишь первый осколок Сферы познания: тебе откроется доступ к дополнительным данным и возможностям.

Что еще за гребанные сферы познания и новые возможности? Что будет, когда я предотвращу пятьсот злодеяний? Программа самоудалится? Подумаю об этом позже.

Воровато оглядевшись, отхожу от места преступления. Снимаю куртку, разрезанную на спине, трогаю порез – крови почти нет, повезло. Сажусь на бордюр и пытаюсь привести мысли в порядок, расставить приоритеты. Основная моя цель – вернуться к своим. Для этого мне надо избавиться от программы. Имя создателя программы я выбил – профессор Мелиар Делла, уровень 4, ступень 3. Юго-восточное поселение. Несколько раз проговариваю информацию, чтоб не забыть.

Профессор относится к так называемым бетам с четвертого уровня.

Пятый уровень, восемь верхних ступеней зиккурата, населяют альфы: аристо и верховное жречество. Четвертый уровень, тоже восемь ступеней, – аристократы не пунийцы, ученые, политики, генералы, профессура, бизнесмены, бомонд, жречество. Снизу туда не пробраться, если нет соответствующего чипа с программой.

Начиная со второго уровня, везде установлены камеры, и чем выше, тем сложнее система защиты. С четвертого установлены системы, идентифицирующие личность по внешним дан-

ным, и при малейшем сомнении в принадлежности к высшей касте человека блокируют и перепроверяют. И систему не обмануть: на них работают лучшие программисты, сведения о человеке никак не подменить, потому что данные неоднократно дублируются.

Но мне не надо жить с ними там, наверху. Нужно всего лишь узнать, где именно обитает профессор, и наведаться в гости к нему в Юго-восточное поселение. На словах все просто, практически же – сложно реализуемо. Единственный способ подняться на четвертый уровень – пролезть по вентиляционным шахтам, и то не факт, что они сообщаются с нижними ярусами. Не имея схемы внутреннего строения зиккурата это сложно осуществимо. Значит, надо его где-то достать.

Даже если я это сделаю, мне нужно будет отыскать профессора, добраться до него, разговаривать и, самое сложное – заставить деинсталлировать программу. Один шанс из тысячи, что все пройдет именно так, как надо. О том, что процесс необратим, я старался не думать. У меня появилась цель, правда, без понятия, как я все это проверну.

При мысли о том, что я навсегда останусь среди черноротых, хочется волком выть. Буду держаться за надежду.

Цель ясна, теперь надо определиться со средствами. Среди дечипированных нет тех, кто бы мне помог, да и если бы были, их сведения устарели.

Как упростить себе задачу? Притвориться черноротым, подобраться поближе к лифтам и тем, кто владеет информацией. Например, устроиться на производство, требующее мало-мальской подготовки и ответственности. Больше всего подходит цех корпорации «Тау», где паяют микросхемы. Там всегда требуются рабочие, и кого попало не берут. Цех находится ближе всего к середине зиккурата и лифтам, и если не добуду информацию сам, мне в этом помогут те, кто в курсе. А их определит программа, которая считывает сведения о каждом человеке.

Ловлю себя на мысли, что впервые радуюсь программе – она дает осязаемое преимущество. Например, вот идут двое мужчин.

Бакир, 25 лет

Уровень 1, ступень 3, рабочий сталелитейного цеха

Ясар, 22 года

Уровень 1, ступень 3, рабочий сталелитейного цеха.

Я знаю их имена, знаю, что они – рабочие и вряд ли опасны. При необходимости я могу обратиться к ним, прикинувшись их знакомым. А еще, когда я предотвращу пятьдесят преступлений, система меня наградит новыми возможностями, но это сейчас не самое главное.

Главное – устроиться на работу, чтобы проникнуть наверх. Соискателей проверяют, как – я без понятия. А у меня нет долбанной татуировки. Вообще, надо посоветовать нашим набивать Ваала подросткам, чтоб проще было мимикрировать, татуха ведь ни к чему не обязывает.

И сейчас ее отсутствие может здорово усложнить мне жизнь: себе на седьмом шейном ее не набьешь, просить кого-то – светиться, трикстеров ненавидят все, кроме совсем уж отмороженных маргиналов, которые не гнушаются нас нанимать для своих грязных делишек. Просить о помощи своих мне нельзя – я для них опасен. А устраиваться на конвейер рискованно, потому что вдруг будут проверять принадлежность к зверобогим. Вряд ли, конечно, но сегодняшняя случайность показала, что меня в любой момент могут раскрыть и ликвидировать.

Бесконечно длинный день плавно перетекает в ночь, набитую вопросами, как бездомный пес – блохами. Появляется ощущение, что кошмар затянулся, скоро я проснусь, и все закончится. Мне нужно где-то переночевать, чтоб не тащиться на собеседование овощем, сменить разрезанную одежду на ту, что закрывает шею...

Направляясь к люку, ведущему под землю, в цоколь, я понимаю, что просто ищу причины вернуться домой в гнездо, где я прожил три года и пустил корни. Сейчас там пусто. После каждой облавы стая меняет убежище.

* * *

На нашем старом месте ожидаемо никого нет. Генератор забрали, и приходится пользоваться фонариком. Столовая разнесена в хлам, трупы убраны, кровь смыта водой, хлынувшей из взорванной трубы. Вся мебель, вещи, тренажеры вынесли, осталось разбросанное по полу тряпье, и невозможно сказать, пострадал ли во время набега еще кто-то, кроме тех, кого убили у меня на глазах.

Отправляюсь в свою опустевшую берлогу с разрисованными стенами, проверяю тайник с флешкой: пусто. Хорошо. Техно подрастут и продолжат мое дело, а Гитель проконтролирует, чтоб мои последователи все делали правильно. Пользуясь врезкой, моюсь под холодной водой и мысленно прощаюсь со всем, что люблю. Завтра... Точнее сегодня утром начнется новая жизнь.

Будильник на наручных часах срабатывает в семь ноль-ноль, переодеваюсь в выцветшую футболку, пайту найденную здесь же, и, перекинув через плечо тощий рюкзак, выбираюсь на поверхность. Денег мне перепало чуть больше трех тысяч – с голоду не сохну, а ночлег у меня есть. Миновав два жилых конгломерата, сажусь в метро и в дурно пахнущей толпе еду около часа, пытаюсь структурировать план: устроиться на работу, найти людей, которые помогут со схемой вентиляционных ходов... но мысли снова и снова возвращаются к программе, сидящей в голове. Если бы на меня смотрел другой носитель, что бы он увидел? Леон, 31 год, без определенного места жительства, деклассированный элемент? Жаль, нельзя посмотреть на себя со стороны, а вот на других...

В общем, скучать не пришлось, я «познакомился» как минимум с десятком людей. Если не останавливать взгляд на человеке, то информация не считывается, но стоит сфокусироваться на ком-то определенном, и в мозгу появляется характеристика.

Включается интуиция, я чую неладное и осматриваюсь в поисках подвоха. К выходу пробирается невзрачный парнишка, вскользь поглядывает на пассажиров, встречается взглядом с вульгарно разукрашенной девкой, потом – со сморщенным мужичком. Останавливается. Чувствую его внимание и понимаю, что дело нечисто. Тут работает бригада карманников, их как минимум трое.

Невзрачный начинает пробираться напрямик ко мне, стоящему в середине вагона. Наверное, решил проверить мои карманы. Что ж, вперед. Наблюдаю за ним боковым зрением, но все равно получаю информацию:

Ахикар, 26 лет.

Уровень 1, ступень 1, деклассированный элемент.

Его предполагаемые сообщники: Ромина, 19 лет, Ияр, 38 лет – тоже деклассированные, в то время как почти у всех пассажиров есть профессия.

Вскоре становится ясно, что цель карманника – не я, а сонного вида молодая женщина, ключающая носом и периодически на меня заваливающаяся. Одной рукой она держится за поручень, второй – за раскрытую сумку, переброшенную через плечо.

Сообразив, кого Ахикар обозначил как жертву, его подельница начинает медленно пробираться навстречу.

Зафиксировано противоправное деяние!

Вот только разборки мне сейчас не хватало! Хоть по сторонам не смотри! Если просто дать в морду Ахикару, я не докажу, что он вор, и огребу сам, а учитывая, что я один, а черноротых полный вагон... Но если отморозиться, программа меня накажет дикой головной болью, и день пойдет насмарку.

Гадство! С щипачами вообще сложно: они не держат добычу у себя, сразу же передают ее поделщикам: сложно взять их с поличным. Как же разрулить, чтоб не влипнуть? По идее, Ахикар должен передать украденное девке, а та – сморчку.

Ахикар особо не заморачивается: приваливается к жертве и трется об нее. Размалеванная прижимается ко мне, чтоб быть поближе к поделщику. Изображаю сонного, прикрыв глаза, а сам наблюдаю.

Жертва одергивает мини-юбку, толкает вора локтем, тот начинает возмущаться, что он ничего такого не делал, в это время размалеванная прет к выходу, протискивается позади меня, походя мазнув по моим пустым карманам, сует руку в сумку намеренной жертвы, вытягивает кошелек, еще что-то...

И я хватаю воровку, одной рукой сжимаю ее правое запястье, и она, ойкнув, роняет кошелек, второй – левое, и на пол падает стилет, который держала наготове. Происходит невозможное: в битком набитом вагоне вокруг нас образуется свободное пространство. Жертва хватается за кошелек, прижимает к груди и голосит:

– Воры! – И вполне профессионально заряжает воровку с локтя.

Поднимается галдеж, но меня больше волнует подсвеченный красным силуэт Ахикара, до которого полметра.

Ты предотвратил преступление!

Осталось предотвратить 499 правонарушений.

Действую на опережение, встречаю вора серией ударов: обманный в скулу, левый прямой в «солнышко», крик. Отбрасываю поверженного противника в толпу.

– Ловите поделщика!

Несколько женских рук начинают его колошматить, а я рвусь к выходу, расшвыривая черноротых. И только стоя на станции и переводя дыхание, замечаю женщину, которой помог.

Арбелла, 22 года

Уровень 1, ступень 8, повар

Двадцать два года! Н-да, потрепала ее жизнь. Она стоит в нескольких метрах и растерянно моргает, а на меня обрушивается вся гамма ее эмоций: от недоумения и неверия в происходящее до благодарности и счастья. Столько радости, словно в сумке сама ее жизнь. Секунда – и ее счастье становится моим. Да я в жизни так ничему не радовался! Наверное, просто не умею... До чего же яркие у нее эмоции! И у меня благодаря ей.

– Зачем ты это сделал?

Ее слегка хриловатый голос спускает меня на землю, я отделяю чужие чувства от своих, и волосы начинают шевелиться на голове. Я все понимаю: преступность на нижних ярусах зашкаливает, копы сюда являются, только чтобы зачистить район, если черноротые покусились на человека, обитающего уровнем выше. Чтоб хоть как-то бороться с бандитизмом и не рисковать, начали клепать крысоедов. Система мотивирует нас удовольствием, когда мы выполняем задание, и карает за неисполнение.

Но вот это вот – зачем? Какой смысл заставлять сопереживать тем, кому помог? Бесит, потому что это не я, мне всегда было пофиг на зверобогих, я против того, чтобы из меня делали кого-то другого.

– Эй, ты чего? – она проводит рукой перед моим лицом. – Так зачем?

– Отвали, а? – говорю я и гляжу в два оранжевых глаза приехавшей электрички.

Она останавливается, и из вагонов устремляется людской поток. Надеюсь, что он смоеет надоедливую девчонку или она уедет. Двери закрываются, прищемив чью-то ногу, полминуты, и на перроне пустеет: одни уже разбежались, другие еще не собрались.

– Никто ничего не делает просто так, – доносится из-за спины, и я вздрагиваю, оборачиваюсь и вижу все ту же длинноногую девушку в мини-юбке. – Объясни, а то голову себе сломаю.

Можно было бы солгать, что отомстил давним врагам, а она просто рядом стояла, но говорю почти правду:

– У меня в голове проводка замкнула. А теперь – отвали! – смотрю на нее таким взглядом, что улыбка сползает с ее лица, и она начинает пятиться, а мне отчего-то становится неловко, ведь девчонка посчитала, что случилось чудо: ей помогли и ничего не попросили взамен.

На фиг! Залезаю в переполненный вагон и еду еще, наверное, полчаса. Электричке пятого, внешнего, кольца, расположенного ближе всего к выходу на поверхность, нужно двенадцать часов, чтобы объехать зиккурат полностью.

* * *

Корпорация «Тау» находится ближе к центру зиккурата. Мне приходится потратить еще два с половиной часа, чтоб добраться до четвертого кольца и проехать несколько станций до приемной. Кроме интересующего меня цеха, здесь находится с десятков конвейеров, где собирают фрагменты экзоскелетов и детали автомобилей для нижних уровней.

Приемная одна для всех. Возле стальной двухстворчатой двери дежурят два бородача, вооруженные до зубов, полная усталая женщина проверяет соискателей металлоискателем. Оружие на входе отбирают. Я все это знаю, потому по пути сюда сделал две закладки в вентиляционных шахтах, спрятал пистолеты с патронами и холодняк.

В очереди на собеседование передо мной четыре человека – все зачуханные, сутулые, какие-то выцветшие и перекошенные. Дожидаюсь своей очереди и поднимаю руки, давая себя просканировать. Женщина кивает на дверь.

Переступаю порог зала ожиданий – гигантского ангара, где толпится несметное множество соискателей, как мужчин, так и женщин, и гул стоит такой, словно работает гигантский мотор. Во избежание неприятностей по помещению прохаживаются автоматчики. Считаю информацию о них: все они – граждане первого уровня, отлично проявившиеся сотрудники, которых повысили и перевели жить аж на последнюю восьмую ступень. Им обещают, что за ударный труд их переведут на второй уровень и они станут гражданами, защищенными законом. На самом деле, как только они исчерпают ресурс, их пустят в расход.

Еще два часа провожу под дверью – одной из пяти. Соискатели переступают порог и пропадают – очевидно, покидают приемную через другой вход. И это очень хреново: не у кого спросить, что происходит при собеседовании и есть ли вероятность, что меня вычислят. Все, кто стоит в очереди, ничего не знают. Горластая растрепанная женщина (Ия, 32 года, разнорабочая), доказывающая, что все проходят медицинский осмотр и отвечают на множество вопросов, сцепляется с болезненного вида мужчиной (Зеннон, 41 год, разнорабочий), уверенным, что берут практически всех.

Начинаю нервничать, но гоню тревогу прочь, убеждая себя, что если все-таки вычислят и пристрелят, рискнуть все равно стоило. В нынешнем состоянии я не могу помочь своим, а значит и ценность моя невелика.

Наконец дверь открывается, оттуда доносится «Следующий!» – и я вхожу в белую квадратную комнату, где меня ожидают трое: лысый мускулистый автоматчик у входа (безопасник, уровень 2), крысopodobная женщина со шприц-пистолетом (лаборант, уровень 2), мужик, сидящий за столом за раскрытым ноутбуком (кадровик, уровень 3). Все серьезно, черноротых с первого уровня зиккурата среди них нет, зато есть дельты со второго и гамма с третьего.

Ну а на что я рассчитывал? От этих людей зависит процветание корпорации, все они – чипированные ученые граждане.

Уверенность в том, что все пройдет легко, улетучивается, и окидываю взглядом безопасника, оценивая, смогу ли завалить его быстро. Наверняка он отлично натаскан, и с ним не получится быстро и легко, это не черноротое отребье щелкать.

– Имя, фамилия – если есть, возраст, – не глядя на меня, говорит кадровик.

Глава 4. Корпорация "Тау"

Наверное, другие черноротые раболепствовали и млели перед троицей с высших уровней зиккурата, чистых, сытых, холеных. Мне же хочется их передуть за то, что смотрят на меня... Да никак не смотрят. Как на пустоту.

Все мои силы уходят на то, чтобы просто не дергаться и казаться спокойным. Мысленно призываю на помощь Шахара и гляжу на главного, из-за ноутбука видны только круглые очки, покатый лоб и русые волосы. Программа подсказывает, что его зовут Титус, ему тридцать четыре года, и он – гамма, обитатель третьего уровня.

– Леон, 31 год.

– Чем отличается птица от самолета? Сколько будет пятью девять? Какой сейчас год?

Вопросы вгоняют меня в ступор, с полминуты соображаю, в чем подвох, и прихожу к выводу, что его нет, они просто проверяют мое умственное развитие, ведь на такую работу не берут отсталых и совсем неграмотных. Многие черноротые могут считать только деньги и не умеют читать, их познания заканчиваются сектором, где они выросли. В то время как мы обучаем наших детей не только грамоте, но и химии, и астрономии, и основам кибернетики. Потому нужно быть осторожным и пожать плечами, если вдруг зададут слишком сложный для черноротого вопрос.

– Живое и неживое. Сорок пять. Две тысячи двадцатый с начала Новой Эры – взятия Рима Ганнибалом Баркой и основания на его месте Нового Карфагена, ставшего два века назад столицей мира.

Титус высовывается из-за ноута, на его лице появляется заинтересованность, и он продолжает:

– Когда открыли Карталонию?

– Северную² в тысяча двести первом, Южную в двести втором. Открыл великий путешественник Карталон Самнит.

– Первый полет в космос?

Вопрос укладывается в программу платных школ, потому отвечаю:

– Тысяча девятьсот сороковой год. Последний в шестьдесят, кажется, третьем. Дальнейшее освоение признано экономически невыгодным.

– Откуда знания?

– Гимназия. Отец оплачивал обучение до девятого класса включительно. Потом его убили.

Титус понимающе кивает.

– Понятно. Сын покойного местного царька. – Он смотрит на скучающую лаборантку и тычет в меня пальцем. – Любопытный образец. То-то посмотрю, он какой-то подозрительно здоровый. – Дальше кадровик обращается ко мне. – А почему ты не пошел в криминал по стопам отца?

– Чуть не завалили, все потерял.

Пусть думает, что я собрался у них скрываться от врагов.

– Так-так, еще раз повтори имя и возраст.

Выполняю его распоряжение, а он щелкает кнопками ноутбука с логотипом корпорации «Тау» – заводит на меня личное дело. Так что интеллектуальный отбор я прошел.

– Подойди, – женщина-крыса по имени Шалита делает приглашающий жест и берет шприц-пистолет для забора анализов. – Сейчас проверим, такой ли он здоровенький, каким кажется.

² Северная и Южная Карталония – название Америк.

Настораживаюсь, потому что если они прикажут мне раздеться до пояса, увидят, что у меня нет тату Ваала на седьмом шейном позвонке, и тогда хана.

– Закати рукав, – приказывает Шалита, берет образец крови из вены, помещает его в анализатор, и, пока результат обрабатывается, подносит к моему лицу биосканер – прямоугольную хреновину размером с книгу, подключенную к ноуту.

Воцаряется молчание, слышно только, как едва заметно жужжит биосканер, шумит кулер ноута и сосредоточенно сопит Титус. Лаборантка убирает прибор от моего лица, и Титус пристыживает:

– Впервые такое вижу! Он здоров, как бык! В тридцать один даже кариеса нет. Три перелома, два огнестрельных ранения – и все. Да, еще наблюдается переизбыток дофамина в черной субстанции мозга, перевозбуждение нейронов. Что там с кровью? Обрати внимание на следы наркотических веществ.

– Наркоманы не бывают такими здоровыми. Норма. Следы наркотических веществ не обнаружены, – отчитывается женщина. – Может, имеет место бинарное расстройство.

– Нет. Годен, – выносит вердикт Титус и обращается ко мне: – Подойди, протяни левую руку.

Выполняю распоряжение, и на моем запястье смыкается электронный браслет. Титус кивает на дверь.

– Дальше пойдешь по зеленым стрелкам, тебя примут и оформят.

– Кем? Мне бы хотелось...

Титус морщится, словно я превратился во что-то отвратительное.

– Не борзей. Иди по стрелкам. Пошел!

«Гнида зверобогая», – думаю я, выхожу в белый коридор, где слева зеленые стрелки, справа – красные. Вдоль стен стоят хмурые автоматчики. Открывается дверь, ведущая из второй приемной, оттуда вываливается взъерошенный парень, ждет, пока она захлопнется, начинает материться. Один из автоматчиков наводит на него ствол, он сует руки в карманы и плетется чуть впереди меня, открывает дверь с надписью «Выход», а я двигаюсь дальше, все еще слабо представляя, что меня ждет. Мне даже не сообразовали этого объяснить.

Оглядываюсь в поисках лифтов, ведущих на верхние уровни. Их здесь нет. К ним не так-то просто попасть, и я пока понятия не имею, как это сделать.

Лифт здесь один, циркулирующий между ступенями первого уровня. Охранник сканирует меня металлодетектором, на всякий случай хлопает по многочисленным карманам и отправляет сразу на восьмую ступень первого уровня. Наверное, каждый черноротый мечтает туда попасть, там кормят, есть горячая вода и никто не пытается отнять заработанное: автоматчики бдят. Чтобы выжить на первом уровне, нужно принадлежать к преступной группировке из тех, что контролируют территорию и поддерживают порядок.

В просторном холле с продавленным диваном, где скучает автоматчик, меня встречает пара мужчин средних лет – повышенных до бригадиров черноротых: плешивый толстяк ниже меня на голову и темнокожий совершенно седой мужик без большого пальца на левой руке.

Корнелий, 54 года.

Уровень 1, ступень 8, бригадир сборочного цеха.

Толстяк хлопает приятеля по спине и ретируется, со мной остается темнокожий. Надо же, каким-то чудом затесался в наш зиккурат. Представляюсь и иду постигать новую профессию.

* * *

В мои обязанности входит осмотр, сканирование двигателей для автомобилей и при необходимости – доводка болтов шуруповертом. Под чутким контролем удивленного Корнелия

полностью осваиваю навык уже к вечеру. Работать мне предстоит с восьми до восьми с перерывом на обед, зарплата – двести шекелей. Униформа предоставляется через неделю. Выходной один – на выбор в любой день. Но хуже всего, что обязательное условие – ночлег и питание здесь же, уходить можно только в выходной. Да я глаз не сомкну среди зверобогих!

Доносится гудок, знаменующий конец рабочего дня, и с башкой, пухнувшей от шума, плетусь за Корнелием в жилой отсек, подмечая указатели, ведь легко заблудиться среди бесконечных коридоров.

Народ после работы валит в столовую, и тут как в метро в час пик. Взгляд скользит по спинам одинаково одетых людей и будто приклеивается к вихрастой русой голове высокого мужчины в темно-сером худи с изображением волчьей морды. Стоит сосредоточиться на незнакомце, и появляется характеристика:

Рэй, 28 лет

Вне системы. Инженер-программист.

Сердце срывается в галоп. «Вне системы» – значит ли это, что он тоже трикстер? Хочется окликнуть его, броситься к нему, расшвыривая остальных, но я вовремя себя останавливаю, понимая, что с этим парнем дело нечисто. Программисту место как минимум среди гамм с третьего уровня, но не среди работяг. Кто он вообще такой? Порыв быстро проходит, ведь благодаря программе я вижу, что Рэй свой, а он увидит во мне разве что навязчивого психа или врага – если ему есть что скрывать. Сближаться с ним нужно осторожно.

Словно ощутив мой взгляд, уже возле входа в столовую Рэй поворачивает голову и встречается со мной взглядом: у него открытое, я бы сказал, беспомощное лицо: щеки, как у ребенка, губы бантиком, изящный нос и широко распахнутые глаза редкого янтарного цвета...

По спине продирает мороз: я отчетливо чувствую исходящую от него угрозу, взгляд у него холоден, как лезвие ножа. Или кажется, или на самом деле на дне его зрачков мне видятся огненные сполохи. Отвожу взгляд и ставлю цель: сблизиться и поговорить с Рэем.

Из раздумий выдергивает голос Корнелия:

– Тут у нас душевая. Сразу за ней – сортир. Там дальше, куда все идут – столовая. Тебя еще не посчитали, так что жрать будешь только завтра.

Мне не привыкать. В детстве приходилось голодать неделями.

Заглядываю в душевую: крашенные почерневшие стены, вода льется сверху и сбоку. Никаких тебе кабинок. Вот это хреново, потому что раздеваться при всех мне нельзя: татуировки-то нет. Да и вообще надо все время быть на стреме, а в выходной попытаться набить татуху у кого-то из маргиналов, благо деньги есть, спасибо Малху.

– А что там? – прикидываясь дурачком, указывая на запертую дверь впереди с табличкой «не влезать».

– Тебя должен волновать только маршрут, которым мы идем, и еще один, ведущий к бабам. Если начнешь шариться, тебя пристрелят. Я доходчиво объяснил?

– Более чем.

Останавливаемся напротив двери с номером 234, находящуюся в самом конце коридора, я прикладываю браслет, и она открывается. Бригадир хлопает меня по спине.

– Тут твой новый дом. Обживайся.

Сказать, что здесь воняет, – не сказать ничего. Комната сырая и тесная, без окон. Две двухъярусные кровати с одной стороны, две с другой, между ними – облупленные шкафы-пеналы. Обитатели комнаты расселись на полу перед крошечным телевизором, стоящем на тумбочке напротив входа. Насчитываю шесть спин, значит, два койко-места пустуют, вот только как понять, какие, когда все постели заправлены?

Мужики смотрят программу «Выживи на полигоне» – реалити шоу с игрой на выбывание и убийствами в прямом эфире. Брызгая слюной, один из зрителей орет:

– Сука, он железный, что ли? Врежь, ему, Ржавый!

– зуб даю, что они туда гемодов напихали, чтоб простых бойцов завалить. Твою ж мать! – толстый кривоногий мужик вскакивает и ударяет кулаком о кулак, закрывая экран, где друг друга месят два мускулистых амбала. – Ржавый, держись! Ну Ржавый... весь мир за тебя! Не подведи!

Я ни на ком пока не фокусируюсь, жду, когда меня заметят, чтоб не агрить будущих соседей, отрывая от зрелища. Вслед за толстяком вскакивает смуглый здоровяк, плюет под ноги и возмущается:

– Падлы, видно же, что они Борова с самого начала тянули! И тесак специально так спрятали, чтоб он нашел! Тьфу! Подстава!

– Жаль мужиков, положат всех нормальных, – говорит кто-то из толпы. – Свою крысу блатную проташат. Кто за бухлом сгоняет, пока столовка не закрылась?

Смуглый здоровяк оборачивается и видит меня, его круглое, как блин, покрытое оспинами лицо чуть вытягивается.

Бринн, 38 лет.

Уровень 1, ступень 3, разнорабочий.

Надо же, у него не только рожа, но и имя похоже на блин.

– Опа, у нас подселенец, – без эмоций говорит Блин, и все поворачивают головы.

А я ощущаю беспомощность, потому что бить их нельзя, а я не знаю, что с ними со всеми делать, если они начнут меня прессовать.

– Чего язык в жопу затынул? – говорит кривоногий.

Оцениваю вероятных противников: всем за тридцать, все обрюзгшие. Пожалуй, я смогу их легко уложить, но делать этого не стоит, меня в лучшем случае отсюда выкинут, и мой план провалится. Хочется подойти и дать ему в рожу, чтоб заткнулся, но приходится искать другое решение – чтобы не конфликтовать и одновременно не выглядеть чмом в их глазах.

– Где тут свободная койка? – спрашиваю я и с безмятежным видом хлопаю по крайней нижней справа. – Меня зовут Леон.

– Ты не охренел ли? – выверяется на меня Блин. – Это моя постель. И вообще, право на ночлег еще надо заслужить.

– Вот-вот, – поддакивает кривоногий. – Сгоняй-ка нам за пивом.

Никто не смеет разговаривать со мной в таком тоне, тем более – черноротая падаль. Приемную комиссию с их пренебрежением я стерпел, но больше прогибаться не намерен, меня поглощает праведный гнев, собираюсь уложить Блина с одного удара... Но кто-то будто прикладывает к моему лбу холодную ладонь, и пламя злости гаснет. В голову приходит здравая мысль: я сажусь на скрипучую кровать Блина, чтобы разозлить его, и он напал первым.

– Так где свободная койка?

– Ах ты! – Блин устремляется на меня, его силуэт вспыхивает красным – программа трактует его действия как агрессию и выдает:

Зафиксировано противоправное деяние!

Отлично! Разбивать морды здесь не нужно, потому, увернувшись от неуклюжего удара, беру горло Блина в захват и душу, пока он не вырубается.

Осталось предотвратить 498 правонарушений.

Аккуратно положив тело на пол, повторяю вопрос:

– Так где здесь свободная койка?

На помощь приходит тощий парень с кривым неоднократно сломанным носом, указывает на две верхние полки справа и слева, у выхода.

– Ты пожалеешь, – шипит кривоногий.

– Не злите меня, пожалуйста, – как можно миролюбивей говорю я. – Мне не хочется никого бить.

– И правильно ты их, – ворчит тощий. – А то совсем охренели!

Полночи я провожу в ожидании, когда меня начнут душить подушкой, но ничего подобного не происходит: черноротые слишком дорожат своими местами.

Темнота. Взахлеб храпит кто-то из соседей, мигает красная точка электронного замка. Трикстерам, тысячелетиями скрывавшимся под землей, достаточно и фосфорического браслета, какой я не снимаю с детства, чтобы ориентироваться в кромешной темноте, а этого красного огонька, который простой человек не заметил бы, – и подавно.

Доносится едва различимое жужжание, красный огонек гаснет, и дверь приотворяется. Вырубили электричество? Не поверю, что это случилось само собой. Вскоре получаю подтверждение подозрений: сквозь храп слышу торопливые шаги. Бесшумно спускаюсь с верхней койки и не обуваясь, чтоб не топтать, подхожу к выходу, выглядываю и вижу силуэт, движущийся к двери, которую мне Корнелий запретил открывать. Фокусируюсь на силуэте:

Рэй, 28 лет

Вне системы. Инженер-программист.

На ловца и зверь бежит!

Запретная дверь тоже открыта, Рэй проскальзывает в помещение, его шаги удаляются. Он обитает где-то здесь, а значит, должен вернуться. Фонарика у него нет, а идет он вполне уверенно. Его способность видеть в темноте подтверждает подозрение, что он трикстер, который, как и я, что-то здесь выискивает. Может, и из него сделали крысоеда, и он в курсе подробностей?

Из коридора доносится возня, щелчки, и Рэй пятится назад, различаю в его руках какой-то прибор, а за приоткрытой дверью вижу блики фонарика – видимо, охранники идут посмотреть, что случилось. Мой чуткий слух улавливает шелест одежды и шаги, доносящиеся с другого конца коридора – луч фонаря ложится на пол, Рэй успевает прижаться к стене прямо возле моей крайней комнаты. Его обложили с двух сторон.

Самое время рискнуть.

– Рэй, сюда, быстро!

Он входит в комнату, смотрит на меня... Он не трикстер, а какая-то неведомая хрень! У него глаза светятся в темноте, как у кошки. Указываю на верхнюю полку напротив, сам взбираюсь на свое место и притворяюсь спящим, он делает так же. Замираем.

– Никого, – шепчет один из охранников. – Сука, только заснул!

Доносится зевок.

– Ага. Лучше бы проводку починили, а они все диверсантов ловят.

На всякий случай охранники отворяют дверь в мою комнату, луч падает на храпящего Блина, тот хрюкает, закрывает лицо и бормочет сквозь сон:

– Что за падла свет включила?

Луч фонаря скользит по койкам, останавливается на крайнем шкафу-пенале, куда человеку ну никак не влезть.

– Вентиляция вся цела, – говорит второй охранник.

Шепотом матеря начальство, они удаляются.

С минуту лежим неподвижно. Рэй практически беззвучно спускается с кровати, я поворачиваюсь и смотрю в его светящиеся глаза. На его месте я попытался бы меня убить – безопасности для, но у него, видимо, нет оружия, только странный прибор. Рэй прикладывает руку к груди и склоняет голову в знак благодарности. Так же беззвучно исчезает за дверью, и спустя минуту врубают свет. Надеюсь, он успел добраться до своей комнаты, пока двери самопроизвольно не заблокировались и не включились камеры.

Просыпаюсь утром по гудку, оглядываю хмурые рожи соседей. Блин и кривоногий смотрят волком, остальным на меня по фиг. Одеваюсь, не слезая с верхней полки, шнурую берцы и вливаюсь в поток людей в серой робе. Мысли вертятся вокруг Рэя, у него нет робы, он, как и я, новичок, и отыскать его в столовой в этой унылой массе будет просто.

Сказать, что столовая огромна – не сказать ничего. Штук двадцать раздаточных пунктов у стены, столов на восьмерых точно не меньше сотни. Пахнет жареным луком. Звенят ложки, посуда, стоит мерный гул. И где его искать? Пока топаю к раздаточной в середине и стою в очереди, один за другим осматриваю столы со склонившимися над ними работягами, но Рэя среди них нет. Беру тарелку с бурой отвратительной на вид похлебкой и кусок хлеба, подсаживаюсь к троице работяг, которые уже доедают, подношу ложку ко рту и слышу позади хриплый мужской голос:

– Тут свободно?

Молча киваю и едва не давлюсь кашей со вкусом гороха: напротив садится Рэй, оглаживает серую робу.

– Новенький? Я уже неделю отработал! Видишь, шмот выдали.

Его голос весел и бодр, а глаза холодны, поза вальяжна, а плечи напряжены.

– Леон, – представляюсь я.

Он хмыкает и представляется, начинает есть, а когда троица освобождает стол, продолжает:

– Удивительно, что я тебя сразу не узнал, – он подсовывает под мою тарелку сложенный листок бумаги. – Здорово маскируешься. Давно здесь?

– Второй день.

Его реплика про маскировку не вполне понятна, но не переспрашиваю.

– Понял. Тогда – четверг.

Не уточняю насчет четверга, потому что на освободившееся место садятся четверо рабочих, а свидетели нам не нужны. Рэй уходит первым, я считаю до десяти, отношу пустую тарелку и уже в своей опустевшей комнате разворачиваю записку.

«Бери выходной в понедельник. Встречаемся на станции 38 (пятое кольцо метро) в 16.00». Теперь ясно, что выходной нужно взять в четверг. Интуиция подсказывает, что этот человек ответит на большую часть моих вопросов.

Интерлюдия. Гамилькар

В приемной Верховного жреца Гамилькар торчит уже двадцать три минуты, и если перевести время в деньги, его ожидание стоит десятки миллионов.

Он сатанеет от несправедливости происходящего и с трудом сдерживает гнев. Если бы не Элисса, его первая дурковатая жена из Магонов, как под землю провалившаяся вместе с их ребенком, предназначенным в жертву, все было бы по-другому. Теперь же Ваал, видимо, отвернулся от него, и непонятно, сколько еще нужно жертв, чтоб расположить бога к роду Боэтархов.

Гамилькар знает: его место как минимум в Совете Пяти, а не здесь, пусть и на седьмой ступени пятого уровня, на самой вершине зиккурата, но – в приемной. Предыдущий Верховный Жрец пророчил ему судьбу Белого Судьи. Когда Танит изберет его, ему откроется доступ к кому угодно и куда угодно.

Наконец белые с позолотой двери распахиваются, и Гамилькар, оставив телохранителей, шагает по красным ковровым дорожкам мимо роскошных жреческих покоев, мимо малых залов с идолами, где проходят закрытые служения.

Верховный жрец Ганнон ждет его в коридоре с самым настоящим факелом в руке. Он абсолютно лыс, удалены даже брови и ресницы; обвислые, как у собаки, щеки вздрагивают, когда он видит гостя. Жрец одет в белоснежную тунику и алую мантию, расшитую золотом.

– Рад приветствовать тебя, Гамилькар, глава рода Боэтархов, – говорит старик, разворачивается и, позвякивая серебряными колокольчиками на запястьях, идет по коридору. – Следуй за мной.

«Хоть бы извинился за опоздание, червь», – раздраженно думает Гамилькар, шагающий следом.

В комнате, где проводятся ритуалы, нет окон, стены обиты алым шелком. Восемь факелов на полу, если соединить их линиями, образуют октаграмму, в центре ее – медный лист алтаря под ним – жаровня с углями.

– Я встречался со всеми девственницами древнейших родов, – с трудом подавляя раздражение, говорит Гамилькар. – Ты уверял, что Танит уже воплотилась, твой предшественник – что наши судьбы связаны неразрывно. Но ее среди них нет! Я бы ее почувствовал. А значит, кто-то из вас ошибся, и либо не меня Ваал выбрал на роль Белого Судьи, либо Танит еще не воплотилась.

– Высшие пророчества никогда не лгут. Но уже завтра тебе придется пожертвовать самым дорогим за право узреть будущее.

– У меня есть еще сыновья.

– Достаточно первенца. Это должен быть не ребенок.

– Да будет так, – кивает Гамилькар, и его сердце пронзает боль при мысли о том, чем он пожертвует.

Жрец протягивает нож и чашу. Не моргнув глазом, Гамилькар вскрывает вену на левой руке, сжимает кулак, чтоб кровь не свернулась. Когда чаша наполняется на четверть, закрывает рану пальцем.

Приняв чашу, жрец воздевает ее над головой, несколько раз встряхивает, звеня колокольчиками. Одна за другой входят четыре жрицы-вестницы, принесшие в жертву свои глаза, чтобы видеть большее, становятся по углам комнаты и начинают петь. У каждой свои слова, их звонкие голоса сливаются, и пение а капелла³ рождает дивную завораживающую мелодию. Гамилькар встряхивает головой, чтоб избавиться от наваждения.

³ А капелла – Пение без звукового сопровождения

Жрец затягивает песнь на древнепунийском, опрокидывает чашу на раскаленный лист алтаря – кровь шипит и пузырится, тошнотворно пахнет горелой плотью. Вестницы снимают лист и переворачивают, ставят перед жрецом, он вперивается в черный рисунок, глаза его закатываются и становятся черными.

Гамилькару неприятно это видеть, и он изучает блестящие носки своих ботинок. Вестницы смолкают и, придерживаясь друг за дружку, выходят. Жрец смотрит на Гамилькара взглядом снулой рыбины, ничего нельзя прочесть в его глазах.

– Ну? – не выдерживает Гамилькар.

Жрец проводит рукой напротив узоров из запекшейся крови и говорит:

– Видишь? Вот ты, вот она, вы встречались, если не сказать что были близки. Она была рядом, это точно. Вот ты, вот Величайший распростер руки за твоей спиной, – его лицо меняет выражение, он сглатывает.

– Что еще?

– Ты действительно избран, она – воплотилась, и ваши жизни связаны.

– Ты что-то скрываешь?

– ...Вмешательство темных сил. Сумбур. Смерть. Кто-то еще... – он всматривается в рисунок. – Или что-то поднимается снизу. Небо падает на землю, – не замечая боли, жрец ведет пальцем по раскаленному листу. – Песочные часы, где песок течет снизу вверх ...

– Чья смерть? Надеюсь, не моя?

– Нет, много смертей. Хаос...

– Я получу, что хочу?

Жрец одаривает его долгим взглядом, мысленно взвешивая каждое слово, ведь перед ним стоит человек, судьба которого – встать за штурвал корабля, несущегося на рифы. А получится ли у него предотвратить катастрофу, ритуал не показал.

– Ты получишь наивысшую власть, но не сразу, и будут трудности.

– Спасибо. Проводи меня.

* * *

Вместо того, чтобы лететь на совет директоров в Британию или выполнить обещание и повезти детей на летающий остров, Гамилькар отправляется в резиденцию, занимающую огромную территорию на первой ступени пятого уровня. Его там ждет Дияла. Ждет каждый день.

Едва он переступает порог, Дия бросается ему на шею. Целуя в губы, Гамилькар берет ее за руки, отстраняется, ласкает взглядом. Она – совершенство. Бронзовые волосы волной, изумрудные глаза, чувственные губы и снежно-белая кожа, а тело – творение воли божественного скульптора. Но главное, она – сама любовь.

Увидев ее анкету на сайте «В добрые руки», он оплатил лот без раздумий и долгих три месяца был счастлив.

– Чего ты хочешь, родная? – шепчет он, глядя ее щеку.

– Я хочу быть с тобой – всегда.

– Ты и так со мной. Желай. Исполню любой каприз: бриллианты, остров... Ты ж не видела мира и не купалась в океане. Летим!

Дия округляет глаза.

– Но я не собрана.

– Летим. Все недостающее купим по дороге.

Гамилькар мог бы пожертвовать контрольный пакет акций какой-нибудь своей компании, мог бы отдать один из островов или нефтяных вышек, но завтра он купит новую – это не жертва, а подачка, Ваал не примет ее. Даже если пожертвует корпорацией «Тау», это будет не

то. Самое дорогое, что есть у Гамилькара – Дияла. Рабыня с самых низов, где тоже рождаются жемчужины.

У него есть сутки, завтра он отдаст Диялу Величайшему, чтобы воплощенная Танит обратила на него свой взор. И эти сутки Дияла должна купаться в счастье.

Глава 5. Условный рефлекс

Уже после встречи с Рэем я понимаю, почему он так скрывается: здесь повсюду камеры, нас пишат даже в туалете, потому мыться хожу, когда в душе выключают свет, и спать ложусь одетым.

С каждым днем все больше убеждаюсь, что мой план обречен на провал: вокруг меня примитивные зверобогие, самым продвинутым был Титус, но до него хрен доберешься. Но все-таки я тут не зря: многое узнал и лучше изучил врага, Рэя встретил.

Вечером вторника, стоя в очереди за похлебкой, я так погружен в себя, что не сразу узнаю повараху, насыпающую еду в тарелку. Если бы она ко мне не обратилась, так и не вспомнил бы Арбеллу, девушку, которой я невольно помог в метро.

– Привет! – восклицает она. – Вот уж не думала, что встречу тебя здесь!

– Да уж. Мир тесен, – бормочу в ответ, в отличие от нее, встреча меня не радует, а напоминает о том, что я себе не принадлежу.

Она склоняется над стойкой, демонстрируя декольте, и бормочет, воровато оглядываясь:

– Приходи ко мне после девяти, комната четыреста двенадцать, сделаю тебе вызов. Просто приложи браслет к сенсору лифта, охранники пропустят. Есть что сказать. Это серьезно.

Увидев кого-то, она возвращает лицу беззаботное выражение, посылает мне воздушный поцелуй и отворачивается. Сейчас не до женщин, но решаю идти – вдруг у нее интересная информация.

В моей комнате мужики все так же смотрят реалити-шоу, но в воздухе будто бы звенит напряжение, так и кажется, что молнией долбанет. Блин и Кривоногий поглядывают краем глаза, но они все время на меня так косят, а сегодня их враждебность ощущается особенно остро. Может, послать все к хренам и свалить? Так и сделаю, завтра перетру с бригадиром, чтоб меня отсюда выпустили, сегодня уже поздно, но прежде поговорю с девчонкой – вдруг что важное скажет.

На этаже, где обитают женщины, все так же, как у нас, только комнат меньше, коридор короче и заканчивается стеной, а не запретной дверью. Выхожу из лифта, охранник проверяет, сделали ли мне вызов, желает хорошо провести ночь и указывает, где находится нужная комната.

Встретившиеся в коридоре женщины, все молодые и привлекательные, смотрят с интересом, я прикладываю браслет к нужной двери и прохожу внутрь.

Арбелла уже ждет, свежая, надушенная и накрашенная. На ней шорты до середины бедра и майка в обтяжку, выгодно подчеркивающая формы, но мне не интересны зверобогие, как бы привлекательно они не выглядели. Любой зверобогий – потенциальный враг.

– Привет! – Она обезоруживающе улыбается.

– Что ты хотела сказать?

– Вот так сразу? Даже не присядешь, – она хлопает по заправленной постели рядом с собой, но остаюсь стоять. – Ты очень выделяешься. Говорят, из какой-то лаборатории сбежала толпа гемодов, их теперь все ищут. Твои соседи по комнате уверены, что ты один из них, и собираются тебя сдать ловцам. Бригадир вмазан.

Хмыкаю.

– Их ждет разочарование. А ты тоже думаешь, что я – гемод?

Она пожимает плечами.

– Мне все равно. Ты перевернул мой мир. Никто ничего не делает просто так, а ты... В тот момент мне не хотелось жить, я ехала и думала о том, что не могу так больше. А тут еще и воры... – Она говорит сбивчиво, покусывая губы, тербит край покрывала. – Но появился ты. Я не думала, что можно рисковать ради незнакомого человека и потом не лезть в постель, не

просить вознаграждение. Сделать добро, развернуться и уйти. Это – чудо. И если есть такие, как ты, значит, мир не так уж и плох. И в нем можно жить.

Поначалу мне хотелось оборвать ее и сказать, что мотив у меня был, да еще какой, и да, никто ничего просто так не делает. Но в какой-то момент ее ощущения снова передаются мне, и я смотрю на себя ее глазами: у меня разве что белые крылья за спиной не трепещут и нимб не сияет. Она смотрит на меня как на ожившее божество, изливает благодарность, как может. И я знаю, что если мне будет угрожать опасность, она с готовностью отдаст жизнь. Даже не за меня – за веру в лучшее.

Впервые в жизни вижу перед собой не зверобогую, а человека – уставшего, забитого, покореженного. С такими же чувствами и надеждами. Если признаюсь, что я трикстер, и позову с собой, она пойдет, и плевать ей на Ваала.

– Спасибо, что предупредила, Арбелла.

– Я успела сказать свое имя? – удивляется она. – Не помню когда. А ты...

Вот я и проговорился, теперь надо выкручиваться и быть осторожнее впредь.

– Ты еще в метро представилась. Я – Леон.

– Они подождут, когда ты выйдешь, попытаются парализовать и сдать ловцам. Здесь не нападают, потому что охранники отожмут вознаграждение, которое полагается за голову беглеца. Только не спрашивай, как я узнала. И да, у них есть парализаторы.

С одной стороны, опасаться мне нечего, я ведь не гемод. Но с другой – это прямая угроза жизни: если у них все получится, и они начнут меня осматривать, увидят, что у меня нет татуировки... Надо увольняться, и побыстрее.

Протяжно воеет гудок, сигнализирующий отбой.

– Может, останешься? – Она кокетливо склоняет голову набок. – Я не испугаюсь, даже если у тебя перепонки и чешуя.

Усмехаюсь. Девушка до сих пор считает меня гемодом. Неужели и правда так выделяюсь? Надеюсь, Рэй поможет вернуть мою жизнь, и я пойду к своим.

– Ты ошибаешься, я обычный человек, – улыбаюсь я и зачем-то глажу ее по волосам. – Будь счастлива.

– Вот уж не обычный... – бросает она в спину.

* * *

Прошлой ночью мне снилась Гитель, ее пушистые волосы, наша берлога, дети... Я проснулся с ощущением щемящей тоски.

Сегодня я видел красочный незнакомый мир: дома-свечки размером с наш зиккурат, парки прямо на земле, сотни... тысячи счастливых людей. Гигантские голограммы, диковинные флаеры и множество антенн в форме полумесяцев. Сперва, лишенный тела, я смотрел на город сверху, а потом меня потянуло вниз. Мгновение – и я ток, бегущий по проводам, поток частиц, текущий из одного мира в другой.

Перед глазами вспыхивает текст на незнакомом языке: «Carthaginem esse delendam», но я понимаю смысл: Карфаген должен быть разрушен.

И вот я в привычном мире. Вроде станция метро, а вроде и нет. Навстречу течет поток людей в серых робах, и я вижу удаляющуюся хрупкую девушку с черными волосами. Мне нужно... просто жизненно необходимо к ней! Она нужна мне как вода, как воздух, она – смысл всего.

Девушка теряется за спинами, исчезает, и из груди будто бы вырывают сердце, я бегу к ней, расшвыривая людей, кричу, зову ее...

И просыпаюсь по гудку с тоской еще более острой, чем вчера. Ощущение, что я – раненая птица, взглядом провожающая стаю. Вместе со сном уходит что-то важное, из памяти стира-

ется имя, лицо... Кто она? Меня до сих пор к ней так тянет, что если бы знал, где ее искать, бросился бы сломя голову. Чтобы удержать волшебный образ, безумно хочется нарисовать ее лицо, но я не помню его!

Вместо столовой топаю к лифтам, ведущим вниз, туда, где приемная, отстегиваю браслет и сдаю охраннику.

– Че, уже сваливаешь? – интересуется он, сканируя меня, убеждается, что я ничего не украл, отходит в сторону.

– Тоска тут у вас, – жалуясь я и нажимаю на кнопку.

Створки лифта смыкаются, а я испытываю облегчение, которое трудно описать словами. А ведь некоторые черноротые так всю жизнь батрачат.

Оказываюсь не в знакомом коридоре, где приемная, а еще ниже. Меня снова сканируют и выпускают. Приходится делать крюк и возвращаться к своим схранам с оружием, слава богу, все на месте, даже три тысячи шекелей, украденные у Варана. Кладу пистолеты в карманы, нож – за голенище берца. Как с ними спокойно! А то будто голый в людном месте. Оглядываюсь в поисках слежки, но ожидаемо никого нет, а тревога есть.

Иду по полутемному коридору, вырливаю в обитаемый сектор, топаю к метро, чтоб доехать до места, где жила родная стая, и просто отоспаться в безопасности, и вижу привычную сцену: трое оборванцев избивают четвертого... И не успеваю отвернуться.

Зафиксировано противоправное деяние!

Разозленный, достаю пистолет, готовый положить троих налетчиков, чтоб не тратить время, целюсь в ближайшего:

Чори, 17 лет.

Уровень 1, ступень 4, авторемонтник.

Двум другим тоже по семнадцать. Понятно, что будущего у черноротых молокососов нет, не я, так кто-нибудь другой их пристрелит не раньше, так позже, но что что-то внутри протестует, просит не убивать их.

– А ну отошли! Перестреляю нах! – ору я.

Чори видит пушку и командует:

– Пацаны, ну его. Сваливаем.

Подождав, пока они разбегутся, а пострадавший поднимется, шагаю прочь.

Ты предотвратил преступление!

Осталось предотвратить 497 правонарушений.

Дурное настроение улечивается, я испытываю удовлетворение и получаю странное уведомление:

Активирован дополнительный ресурс: сострадание +1.

Только успеваю подумать, что бы это значило, как программа подсовывает объяснение:

10 Единиц сострадания конвертируются в 1 свободное очко характеристик. Управление ресурсом будет доступно при получении первой Сферы познания.

Ага. Когда совершу пятьдесят добрых дел, получу какую-то плюшку. Сжимаю кулаки. Долбанная программа воспитывает меня! Как у собаки, вырабатывает условный рефлекс на добрые дела. Сделал хорошее дело – получи леденец, накосячил – шокером тебе в зад.

С одной стороны, бесит, что я начинаю меняться и с какого-то хера – сопереживать черноротым, а с другой пробуждается любопытство, что за «сфера познания» и чем меня наградит программа. С ней даже сейчас безо всяких достижений у меня преимущество перед остальными людьми. А что, если совершить эти пятьдесят добрых дел? Вдруг научусь видеть цифры

кодов на замках. Или мысли смогу читать. И ведь если сфера – первая, есть еще вторая, третья и так далее, я буду все круче и круче.

В принципе, до завтра я все равно свободен, почему бы не сделать то, чего от меня хочет программа? Тем более, даже ходить далеко не надо, достижения сами на голову сыплются. Только нужно постараться не встрянуть в серьезную вооруженную разборку, ведь мне желательно дожить до встречи с Рэем.

Легко не получается. Преступники словно чувствуют, что я их ищу, и прячутся. Ни карманников в метро, ни налетчиков и насильников, ни мелкого хулиганья. Единственный раз вырубил быкующего алкоголика, отбил пожилую женщину. Я бы не посчитал такую хрень предотвращением преступления, но программа со мной не согласилась.

Кружу по району, как бешеный волк, наталкиваюсь на бородачей в коже, распивающих пиво вокруг двух трициклов, и вспоминаю, что этот район «держит» группировка Черные Призраки, тут порядок, и ловить нечего. Никто не грабит, домушников нет, как только появляются залетные беспредельщики, их отстреливают, зато нужно отстегивать братве тридцать шекелей ежемесячно, а это четверть средней зарплаты черноротого. Но делать нечего, платят, кто в состоянии, а если нет – отработывают.

При входе в метро выстрелом в воздух разгоняю драку «три на четыре» и по подземным ходам спускаюсь на первую ступень, где собралась самая сливка отморозенного общества. Все против всех, зато ничего никому платить не надо. Выбирай любую конуру и живи, если можешь ее защитить. У каждого ствол, можно получить пулю в голову просто за подозрительную рожу.

Потому ловлю преступников на живца: шатаюсь, иду зигзагом, притворяюсь пьяным. А поскольку одет я прилично и относительно дорого, меня пять раз сочли легкой добычей и в итоге поплатились. Итого к двенадцати ночи мне осталось предотвратить четыреста девяносто преступлений. Если так пойдет и дальше, то до пятисот добыю за два месяца – вполне посильная задача.

Спать ложусь в опустевшем логове, и мне снова снится незнакомка. Уже проснувшись, ощущаю... Зов, что ли. Она будто бы зовет меня, но я опять не помню ее лица. Чтобы дать эмоциям выход, нахожу коробку пастели и рисую на серой стене диковинный пейзаж, а на горизонте – ее глаза, огромные, миндалевидные... Даже цвета не помню! Пусть будут синими.

* * *

План на первую половину дня я не выполнил, не добил до десяточки количество подвигов. А улов у меня сегодня такой: три гопника, позарившиеся на «пьяного» меня, драка и проститутка, отбитая у любителей халявы. Но ничего, ночь длинна. Поговорю с Рэем и продолжу.

В четыре на станции метро относительно пустынно. Я пришел на встречу с Рэем раньше и, пока жду его, «знакомлюсь» с окружающими меня людьми. В основном это разнорабочие, но встречаются кухонные работники, владельцы кафе, криминальные и деклассированные элементы. Прислоняюсь к колонне, перевожу взгляд на зачуханного мужика в выцветшем плаще, дремлющем на лавке:

Раман, 36 лет

Уровень 2, ступень 4, охотник за головами.

А вон подальше еще один, то есть одна – страшная носатая баба с котомками.

Шушан, 28 лет

Уровень 2, ступень 8, охотник за головами

Баба живет на верхней ступени, значит, она – командир группы. Чувствую их внимание, и плечи сводит от напряжения, хотя понимаю, что не представляю для них ценности: ловцы

ищут беглых преступников с верхних уровней и гемодов, которые прячутся внизу, у них разветвленная шпионская сеть. Только к трикстерам им путь заказан. Женщина достает огромное пухлое зеркало и делает вид, что смотрится в него, а на самом деле сканирует подозрительного меня.

Наручные часы показывают пятнадцать пятьдесят пять. Скоро должен прийти Рэй. Я не знаю, кто он на самом деле и опасны ли для него ловцы. Перехватить его на входе не получится: тут их три. Остается пасти ловцов и перестрелять их, если вдруг начнется шухер.

Пока думаю, женщина незаметно говорит в переговорное устройство, закрепленное на воротнике рубахи, ее дремлющий напарник вздрагивает, тарашится на меня, и лицо перекашивается от злости. Как они узнали, что я буду здесь в условленное время?

Ловец поднимается. У него в руках – на вид самая обычная сумка, но он начинает поворачиваться вместе с ней – сканировать пассажиров. Значит, просто облава, и я случайно сюда попал в такой момент. Сделав круг, Раман поворачивается ко мне, застывает, открывает сумку...

– Привет, – доносится из-за спины, и я вздрагиваю, оборачиваюсь и вижу за спиной улыбающегося Рэя все в том же худи с волком.

– В зале ловцы, – говорю я. – Мужик с сумкой у колонны сразу за лестницей, баба...

Лицо Рэя бледнеет, вытягивается, и меня с головы до ног окатывает его тревогой.

– Валим отсюда, – он направляется к выходу.

Боковым зрением слежу за ловцами: мужик засекает его сканером и возбужденно бормочет в переговорное устройство. Значит, дело не во мне, а в Рэе.

– Ты за мной, – говорю я, выходя вперед. – На улице наверняка засада, а я их вижу. Делай вид, что ничего не случилось, главное – добраться до люка, ведущего под землю, там они нас не достанут. Идем медленно, чтоб я успел найти люки.

Было бы проще, если бы на станции кишела толпа, сейчас же тут относительно мало народу, чтобы затеряться, и очень людно для того, чтобы сосредоточиваться на каждом, считывая информацию.

– Пушка с собой? – спрашиваю, не оборачиваясь.

– Да. Я на стреме.

В тоннеле, ведущем от метро на поверхность, нас никто не атакует. Значит, засада на улице.

– Не выходи. Стой тут.

Выскальзываю за разбитую дверь, окидываю взглядом народ, и программа подсвечивает красным силуэт справа в десяти метрах от меня, и слева. Оба не спеша направляются к нам. Кто там дальше, нет времени смотреть.

Мне ни в коем случае нельзя стрелять первым. Сую руку за пазуху, чтобы их спровоцировать. Тот, что справа, выхватывает пистолет, и программа фиксирует противоправное действие. Есть! Прижимаюсь к стене, стреляю. Одному попадаю в грудь, он складывается, но не падает, второму – в плечо, и рука с пистолетом виснет.

В коридоре поднимается ор, потому что Рэй открывает стрельбу по ловцам, бегущим из метро.

– Валим! – командую я. – За мной.

Петляя и пригибаясь, бегу к домам напротив метро. Люди с ужасом шарахаются от нас. Рэй прикрывает отход, палит по столпившимся у входа ловцам. Замечаю еще двоих на улице, они стреляют наугад, одна из пуль попадает в пробегающую девчонку. Огнем обжигает плечо.

Мы ныряем в подворотню, пересекаем проезжую часть.

– Они вызовут флаеры.

– Плевать! – Я склоняюсь над канализационным люком, пытаюсь его сковырнуть. – Прикрывай.

Ни хрена не получается. Приходится тесак использовать как рычаг. Только б он выдержал!

Раздаются выстрелы, Рэй отвечает. Наконец мне удается сдвинуть люк, и мы лезем под землю по крутой лестнице, а потом бежим по гулкому коридору со стенами, расписанными яркими граффити, вдоль канала с нечистотами. Достая тусклый наладонник, чтоб и Рэй мог хоть немного ориентироваться в кромешной темноте.

– Ты знаешь куда? – на ходу спрашивает Рэй. – Че-то горелым воняет.

– Тут не пропадем, – отвечаю пространно, хотя на самом деле этот участок подземелий мне незнаком.

– Здесь же долбаный лабиринт!

– Не ссы.

Левое плечо печет огнем. Рукав пропитывается кровью. Петляем, как зайцы, затем на четвереньках ползем по продолбленным трикстерами тоннелям в бетоне. Запах горелого усиливается, и я замечаю, что ближе к выходу стены черные от гари.

Вылезаем в душном зале, где так воняет жженой резиной и шерстью, что тянет блевать. Под ногами – металлические штыри, какие-то обломки, расплавленное стекло. Это что нужно сделать, чтоб так горело? Кто-то, видимо, уничтожал улики.

Неудачно наступаю на что-то хрусткое, смотрю под ноги и холодею: обугленные ребра. И дальше – кости, и еще дальше. Этих людей сожгли заживо.

– Зачистка? – осторожно интересуется Рэй, а я молчу в память о погибших, думаю, что раньше зверобогие так не делали, старались захватить детей, чтоб принести их в жертву.

Уважая мои чувства, Рэй молчит, сверкает сияющими глазами.

– Значит, ты не из наших, – шепчет он спустя пару минут.

– Да, я не гемод.

– Трикстер, – констатирует он. – Долбанутый, надо сказать...

– Тссс.

Еще с полчаса молчим и петляем, мне и самому кажется, что мы заблудились, но наконец выходим к огромной водопроводной трубе и движемся вдоль нее. Теперь точно не пропадем: схема подземных коммуникаций повторяется на разных участках цоколя. Дальше должен быть желоб с нечистотами, узкий коридор и выход наверх.

Кровь пропитала рукав и капает, помечая дорогу. Решив, что мы оторвались от погони, я останавливаюсь, отрезаю рукав, осматриваю рану. Пуля прошла навывлет, кость не зацепила, зато мышцы – в хлам, и рука не сгибается в локте. Перетягиваю плечо, чтоб остановить кровотечение. Сажусь, приваливаясь к стене.

– Поговорим?

– Типа, спасибо, что помог. Типа, я тебе должен, – Рэй смолкает и смотрит глазами, светящимися в темноте так ярко, что невольно шурюсь. – Но раз ты не из наших, какого хрена тебе от меня нужно?

– Ты – инженер-программист. Я видел, что тебе как-то удастся обесточивать систему зверобо... Корпорации. Мне нужно проникнуть наверх к одному человеку.

– Как высоко наверх? – Рэй прищуривается.

– К бэтам, на четвертый уровень. Поговорить с одним человеком.

Рэй усмехается и присвистывает, качает головой.

– Э, нет. Я пока таких успехов не добился и боюсь, никто тебе не поможет.

– А за деньги? За большие деньги?

– Честно – нет. Даже если как-то просочишься, что сомнительно, тебя сразу же возьмут.

Воцаряется молчание. Я буквально слышу, как в душе клокочет поднимающаяся злость. Тишину нарушает Рэй:

– Слушай, а как ты вычислил ловцов? Да и меня? На мне ж не написано, что я программист. Или по ориентировке, потому что сам беглый ловец?

Говорить ему или нет? Не люблю откровенничать с посторонними, но зачем-то открываюсь:

– Ты слышал что-нибудь о программе «Крысоед»?

Он молчит – видимо, тоже прикидывает, говорить или нет.

– Слышал, что это уникальнейший эксперимент – внедрение нейросети в сознание человека. Сперва проводили опыты на добровольцах, но что-то пошло не так, и теперь программу вживляют маргиналам, чтобы те, перед тем как подохнуть, замочили как можно больше себе подобных.

Известие о скорой смерти не вызывает особых эмоций, ведь мои надежды поговорить с профессором и так потерпели крах.

– То есть я подохну? И от чего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.